

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

**Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Оренбургский государственный университет
имени В. А. Бондаренко»**

Человек в зеркале языка и культуры

**Материалы Международной онлайн-конференции
(24 мая 2026 года)**

Орск 2026

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2
Ч 39

Печатается по решению научно-методического
совета Орского гуманитарно-технологического
института (филиала) ОГУ

Редакционная коллегия:

Орлова С. Л., кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка и литературы
(Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ)
(ответственный редактор);

Иванова Е. Р., доктор филологических наук, доцент, профессор, начальник де-
партаментов по науке Государственного автономного образовательного учре-
ждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагоги-
ческий университет» (ГАОУ ВО МГПУ)

Скоморохова С. В., кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка и литературы
(Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ)

Ч39 Человек в зеркале языка и культуры : материалы Между-
народной онлайн-конференции (24 мая 2026 года) / отв. ред.
С. Л. Орлова. – Орск : Издательство Орского гуманитарно-технологи-
ческого института (филиала) ОГУ, 2026. – 105 с. – ISBN 978-5-8424-
1048-4.

*В сборник вошли статьи и тезисы участников
Международной онлайн-конференции, прошедшей на
базе Орского гуманитарно-технологического инсти-
тута (филиала) ОГУ 24 мая 2026 года.*

ISBN 978-5-8424-1048-4

© Коллектив авторов, 2026
© Орский гуманитарно-технологический
институт (филиал) ОГУ, 2026
© Издательство Орского гуманитарно-
технологического института (филиала) ОГУ, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Алмашова Ж. Педагогическая практика как ключевой элемент профессиональной подготовки будущих учителей	4
Андреева А. Особенности прямой речи в произведениях Дж. Р. Р. Толкина на примере романа «Властелин колец»	8
Аничкина Н. В. Основные тенденции русской литературы XXI века	12
Базанова Ю. В. Обстоятельства смерти И. В. Сталина: современные подходы и дискуссионные проблемы	15
Бодрова А. В. Роль общественного движения в решении проблемы проституции в России (середина XIX – начало XX века)	21
Вукович А. Сербские восстания против турок и балканский вопрос в первой половине XIX века	26
Даниленко О. В. Формирование готовности к защите родины у обучающихся в курсе основ безопасности и защиты родины: методические аспекты	31
Дарбинян А. Т. Геймификация как средство формирования иноязычных грамматических навыков у учащихся 4 класса на уроках английского языка	35
Кудряшова Ю. О. Система эпитетов и их функционирование в языке современной английской литературы	39
Мусафиров М. К., Вовк И. В. Управленческие вызовы в деятельности местных советских органов власти начального периода Великой Отечественной войны на примере тылового Орска (исторический аспект)	43
Мусафиров М. К. Шебалин И.А. Великая российская революция в отражении современной отечественной историографии	47
Мусафиров М. К. Крестьянство пореформенной России в контексте исторической повседневности	50
Надточиева Е. И. Писатель и власть в условиях политической цензуры XIX века	54
Сенаторова А. В. Языковая игра в заголовках современной англоязычной публицистики	58
Симонова Д. А. Репрезентация концепта «страх» в романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея»	64
Скоморохова С. В. Язык произведения как отражение культурно-исторической среды	67
Сотникова А. А., Уткина О. Л. Адаптация учебных заданий как средство активизации познавательной деятельности учащихся с расстройствами аутистического спектра на уроках английского языка	73
Тимофеева А. А. Оценки личности и деятельности Петра I в отечественной дореволюционной исторической науке	78
Уткина О. Л., Берг А. Д. Стилистические средства создания образа королевы Камиллы в газете THE GUARDIAN	83
Флоря А. В. Человек и любовь в пьесах В. Шекспира	91
Целовальникова Д. Е. Образ путешественника в современной литературе: сравнительный анализ романов Е. Водолазкина «Лавр» и Д. Мейсона «Настройщик»	97
Цзян Тань Отношения Китая и России в XIX веке	101

Алмашова Ж.

магистрант, кафедра английского и немецкого языков,
Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова,
Республика Казахстан

*Научный руководитель: доцент кафедры английского и немецкого языков
Г. А. Кузембаева*

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ

Аннотация

В статье рассматривается роль педагогической практики как важнейшей составляющей системы профессиональной подготовки будущих учителей. Анализируются ее функциональное назначение, организационно-методические основы и влияние на формирование профессиональных компетенций, необходимых для успешной педагогической деятельности. В рамках современных тенденций развития образования особую актуальность приобретает практико-ориентированный подход к обучению, обеспечивающий интеграцию теоретических знаний и практического опыта, а также способствующий развитию профессиональной рефлексии и педагогического мастерства обучающихся.

Ключевые слова: практический педагогический опыт, педагогическая подготовка, будущий учитель, профессиональные навыки, школьное образование.

Keywords: practical pedagogical experience, pedagogical training, future teacher, professional skills, school education.

Современные требования к системе образования обосновывают необходимость подготовки высококвалифицированных педагогических кадров, способных эффективно осуществлять профессиональную деятельность в условиях динамично развивающейся образовательной среды. В связи с этим педагогическая практика имеет особое значение как неотъемлемая часть профессиональной подготовки будущих учителей.

Педагогическая практика является связующим звеном между теоретической подготовкой и реальной профессиональной деятельностью, обеспечивая объединение полученных знаний с практическим опытом. Это способствует формированию профессиональных компетенций, необходимых для успешного выполнения педагогических функций в организациях образования.

Целью данной статьи является определение роли и значимости педагогической практики в процессе профессионального становления будущих учителей. Особое внимание уделяется развитию профессиональных навыков, педагогического мышления и готовности к самостоятельной образовательной деятельности.

Педагогическая практика – это целенаправленный и организованный процесс профессионального обучения, предполагающий активное включение студентов в различные виды педагогической деятельности. Его основная задача-закрепление теоретических знаний, развитие практических навыков и формирование профессионально значимых качеств личности будущего учителя. Участие в педагогической практике дает возможность будущим специалистам: применять теоретические знания в конкретных образовательных ситуациях; овладевать современными методами и технологиями обучения и воспитания; развивать навыки планирования, организации и анализа учебного процесса; совершенствовать коммуникативные и организационные компетенции; формировать профессиональную рефлексию и педагогическое мастерство; адаптироваться к условиям профессиональной деятельности в образовательной организации [1, 78].

Таким образом, практический опыт обучения играет важную роль в профессиональной социализации студентов. Процесс практического обучения выполняет несколько важных функций:

Основные функции педагогической практики:

- учебная деятельность-обеспечивает реализацию и закрепление теоретических знаний в условиях конкретной педагогической деятельности, способствует формированию практических профессиональных умений и навыков;
- развивающая деятельность-направлена на совершенствование педагогического мышления, развитие творческого потенциала, профессиональной рефлексии и способности к непрерывному самовоспитанию и самосовершенствованию;
- воспитательная деятельность-способствует формированию профессионально значимых личностных качеств, педагогической этики, ответственности, а также ценности будущей профессиональной деятельности;
- диагностико-оценочная деятельность-позволяет определить уровень сформированности профессиональных компетенций студентов, раскрыть их сильные стороны и направления дальнейшего профессионального развития;
- адаптивная деятельность-обеспечивает успешную интеграцию будущих учителей в образовательную среду, способствует их профессиональной адаптации к условиям современной школы и особенностям педагогической деятельности.

Педагогическая деятельность занимает центральное место в развитии следующих основных компетенций:

- способность планировать и проводить методические мастер–классы;
- коммуникативные навыки – установление успешного контакта и продуктивного взаимодействия с учащимися;
- организаторские способности – владение методами управления учебным процессом;
- рефлексивные умения – способность анализировать свою деятельность.

Формирование этих компетенций связано с активным участием студентов в конкретной образовательной среде. Несмотря на необходимость практической педагогической деятельности, сохраняются некоторые организационные барьеры:

- плохая связь между теоретическим материалом и практическим исполнением;
- недостаточная эффективность этапа подготовки к практике (семинарских занятий);
- формальный подход к проведению и завершению практики;
- дефицит квалифицированных руководителей-наставников.

Эти вопросы снижают общую эффективность профессиональной подготовки начинающих учителей. Меры, необходимые для повышения результативности практического обучения, включают укрепление институциональных связей, содействие повышению квалификации наставников, внедрение новых методов, установление прочного сотрудничества между университетами и школами, а также поощрение критической самооценки студентов. Важным направлением шага является принятие современных образовательных парадигм, направленных на активное участие студентов в учебной деятельности [2, 47].

Современная педагогическая практика предполагает использование инновационных подходов:

- изучение урока – совместный анализ и проектирование учебных занятий;
- микропреподавание – проведение мини-занятий с последующим анализом;
- смешанное обучение-сочетание обучения в онлайн и офлайн форматах;
- кейс-метод – анализ педагогических ситуаций.

Эти методы делают практику более эффективной и направлены на развитие профессиональных навыков. В международной практике педагогическая подготовка будущих учителей основана на принципах многолетней практики (до 1 года), тесного сотрудничества между университетами и школами, активного наставничества и постоянной рефлексии. Эффективность педагогической практики можно оценить по следующим показателям:

- уровень сформированности профессиональной компетентности;
- возможность самостоятельного проведения занятий;
- уровень педагогической рефлексии;
- качество взаимодействия со студентами;
- готовность к профессиональной деятельности [3, 50].

Педагогическая практика является неотъемлемой частью профессиональной подготовки будущих учителей. Она обеспечивает не только формирование практических навыков, но и развитие профессионального мышления, педагогической культуры и готовности к работе в школе.

Совершенствование педагогической практики требует системного подхода, включающего развитие наставничества, внедрение инновационных подходов и укрепление сотрудничества между университетами и школами.

Практическая деятельность остается основной составляющей профессионального становления личности учителя. Она служит основой для развития важных навыков, способствует переходу учащихся на профессиональные роли, формирует педагогическое мышление.

Успех этой практической деятельности зависит от того, насколько тщательно она организована, от уровня партнерства между вовлеченными учебными заведениями и насколько активно студенты участвуют в полевых работах.

Таким образом, совершенствование структуры и содержания педагогической практики является важным условием подготовки высококвалифицированных педагогических кадров.

Список литературы

1. Ричардс, Дж. С. Подходы и методы в обучении иностранным языкам / Дж. С. Ричардс. – Кембридж : Издательство Кембриджского университета, 2001. – 278 с.

2. Хармер, Дж. Как преподавать английский язык / Дж. Хармер. – Харлоу : Образование Пирсона, 2007. – 288 с.

3. Уоллес, М. Дж. Подготовка преподавателей иностранных языков: рефлексивный подход / М. Дж. Уоллес. – Кембридж : Издательство Кембриджского университета, 1991. – 180 с.

Андреева А.

студентка, кафедра иностранных языков,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия
Научный руководитель: канд. филол. наук, доцент Д. С. Лапенков

ОСОБЕННОСТИ ПРЯМОЙ РЕЧИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖ. Р. Р. ТОЛКИНА НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»

Аннотация

*В статье анализируется прямая речь как средство создания образов персонажей и конструирования мира Средиземья в романе «Властелин колец». Выделены три уровня языковой дифференциации (синтаксический, лексический, прагматический), которые Толкин использует для различения рас и культур. Установлено, что архаичные местоимения *thou/thee* выполняют церемониальную и фамильярную функции, а авторские неологизмы служат этническими маркерами.*

Ключевые слова: прямая речь, Толкин, «Властелин колец», глоссопея, архаизмы, полионимия, речевые акты.

Keywords: direct speech, Tolkien, «The Lord of the Rings», glossopoeia, archaisms, polyonymy, speech acts.

Прямая речь в произведениях Дж. Р. Р. Толкина, особенно в романе «Властелин колец», изучена недостаточно. В литературоведческой среде о ней упоминают, но целостного анализа нет. Толкин-филолог создал не просто художественное произведение, а лингвистически достоверный вторичный мир: язык каждого персонажа отражает его расу, статус и эмоции. Обращение к данной проблеме актуально, поскольку оно позволяет выявить новые аспекты творчества писателя.

Объектом работы выступает языковая система трилогии «Властелин колец». Предмет – особенности прямой речи как средства создания образов персонажей и мира Средиземья. Цель – проанализировать особенности прямой речи в романе. Задачи: выявить функции прямой речи, описать специфику речи разных рас (хоббиты, эльфы, гномы, орки), установить связь речи с эмоциональным состоянием персонажей, определить роль диалогов и монологов.

Исследование опирается на три подхода: лингвокультурологический (язык как отражение культуры расы), социопрагматический (выбор местоимений как маркер социальной дистанции) и стилистический (авторские неологизмы как этнические маркеры). Теоретическую базу составили: теория полифонизма М. М. Бахтина, гипотеза лингвистической относительности Сепира – Уорфа и теория речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля.

В ходе работы проанализирован оригинальный текст «Властелина колец», а также переводы М. В. Каменкович, А. А. Грузберга и В. С. Муравьёва. Дополнительно привлечены письма Дж. Р. Р. Толкина и его «Руководство по переводу имён собственных».

В зарубежном толкиноведении ключевой фигурой является Т. Шиппи, автор монографии «Дорога в Средьземелье» (2003). Этот исследователь впервые системно описал, как Толкин использует древнеанглийский язык для речи рохиррим, а современный английский – для речи хоббитов. Шиппи подчёркивает: «язык орков лишен абстракций и сводится к приказам и проклятиям» [3, 208].

К. Ф. Хостеттер в труде «The Languages of Middle-earth» (2020) анализирует фонетическую структуру эльфийских языков (квенья и синдарин). По мнению Хостеттера, Толкин сознательно строил их по принципу «звуковой красоты» – открытые слоги, обилие гласных. Чёрное наречие, напротив, конструировалось как намеренно неблагозвучное, с преобладанием закрытых слогов и взрывных согласных [4, 82].

Т. Куллман исследует прагматическую функцию пословиц и поговорок в речи хоббитов. Мы разделяем его вывод о том, что Толкин использовал конструкции типа «I don't think» и «I dare say», чтобы противопоставить хоббитов прямолинейной речи орков и церемониальной речи эльфов [6, 167].

Среди отечественных исследователей выделяется Е. А. Бокарева. Она отмечает, что глоссопейя Толкина имеет два временных измерения (внешнее и внутреннее), что позволило создать живые языковые конструкции [1, 45–52]. А. И. Носкова подчёркивает: создание псевдоисторической среды для каждого вымышленного народа наделило искусственные языки индивидуальной национальной окрашенностью и приблизило их к естественным [2, 84–88]. М. Хубер обращает внимание на эстетическое измерение глоссопейи [5, 82].

Наша позиция заключается в том, что прямая речь во «Властелине колец» – это многоуровневая система. Каждый языковой элемент – от синтаксической конструкции до

отдельного суффикса – выполняет культурно-маркирующую функцию. Толкин-филолог использовал весь арсенал исторической лингвистики, глоссопеей и диахронической стилистики. Голоса разных рас в его романе полифонически взаимодействуют.

В ходе анализа текста выделены три уровня языковой дифференциации персонажей в рамках западронского языка (вестрона).

Хоббиты Шира, ведущие изолированную патриархальную жизнь, сохранили в речи архаичные черты. Мы обнаружили, что они используют инверсию для эмоционального выделения: «A nice pickle we've landed ourselves in!» вместо стандартного порядка слов. Как отмечает Куллман, «хоббиты ставят оценку в начало предложения, потому что для них важнее эмоциональное отношение к событию» [6, 165]. Также выявлено, что хоббиты активно применяют смягчающие конструкции («I don't think», «I dare say»). Из 58 пословиц в трилогии 29 принадлежат хоббитам.

Эльфийская речь на вестроне отличается синтаксической сложностью и архаичными формами. Даже на Общем языке эльфы строят фразы так, как если бы они были переведены с квеньи или синдарина, где глагол часто занимает конечную позицию. Пример из речи Галадриэль: «But turn back you cannot» вместо «you cannot turn back». Хостеттер подтверждает: «эльфы сохраняют синтаксис родных языков, где инверсия используется для логического выделения» [4, 162].

Речь гномов (на примере Гимли) предельно лаконична и прямолинейна. В речи Гимли не найдено ни одной смягчающей конструкции. В сцене обсуждения пути через Морию он заявляет: «I will not go back. There is no other way.» Шиппи точно замечает: «гномы не говорят "я думаю, нам следует пойти" – они говорят "мы пойдем"» [3, 150].

Речь орков отличается примитивизмом и обилием императивов. В сцене в Мории мы слышим хаотичные выкрики: «Kill them! Kill them! Slay them! Find them!» Шиппи констатирует: «речь орков – это не язык, а крики животных: они не формулируют мысли, они реагируют на раздражители» [3, 208].

Архаичные местоимения thou/thee. Проанализировано десять диалогов. Мы выделили три прагматические функции. Церемониальная: thou маркирует торжественность момента (Эовин подносит кубок Теодену). Семейная: обращение к погибшему брату (Фарамир) или оскорбление (Уста Саурона). Наиболее показателен диалог Эовин и Арагорна:

она переходит с *you* на *thou* в момент наивысшего напряжения, он продолжает отвечать *you*. Эта асимметрия интерпретируется как средство передачи безответного чувства. Толкин в примечании F подтверждает: «внезапное использование *thou*, *thee* отражает смену отношения с уважительного на близкое».

Авторские неологизмы и полионимия. У хоббитов сложные слова конкретны (*eleventy, tweens*). У эльфов – поэтичны и этимологически прозрачны (*lembas, mithril*). У гномов – лаконичны (*Barazinbar*). Полионимию мы рассматриваем как маркер социальной дистанции: Арагорн именуется *Strider* (хоббиты), *Aragorn* (эльфы), *Wingfoot* (Эовин). Куллман замечает: «каждое имя Арагорна – это маркер определённой социальной ситуации» [6, 182].

Чёрное Наречие. По фрагментам из романа составлен словарь: *agh* («и»), *ash* («один»), *burzum* («тьма»), *pazg* («кольцо»). Чёрное Наречие демонстрирует агглютинативный строй (*durb-at-ul-ûk*) и намеренную фонетическую грубость, что противопоставлено плавным открытым слогам квеньи.

Проведённое исследование позволяет утверждать: прямая речь в романе «Властелин колец» – это многоуровневая система, где каждый языковой элемент выполняет культурно-маркирующую функцию. Толкин использовал историческую лингвистику, глоссопией и диахроническую стилистику. Голоса разных рас полифонически взаимодействуют, создавая объемный мир. Хостеттер прав: «феномен Толкина уникален – никто не повторил его путь: от языка к миру, от мира к роману» [4, 215].

Практическая значимость работы видится в возможности использовать её результаты в курсах по лексикологии, стилистике английского языка и литературному переводу. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом прямой речи в других произведениях Толкина – «Сильмариллионе» и «Детях Хурина».

Список литературы

1. Бокарева, Е. А. Глоссопией Дж. Р. Р. Толкина как лингвистический феномен / Е. А. Бокарева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 3 (714). – С. 45–52.
2. Носкова, А. И. Искусственные языки в системе языка и культуры (на материале творчества Дж. Р. Р. Толкина) / А. И. Носкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 3-1 (69). – С. 84–88.
3. Шиппи, Т. Дорога в Средьземелье / пер. с англ. М. Каменкович. – СПб. : Лимбус Пресс, 2003. – 824 с.

4. Хостеттер К. Ф. Языки Средиземья: полное руководство по языкам мира Толкина. – Лондон : HarperCollins, 2020. – 256 с.
5. Хубер, М. Эстетика звука в изобретенных Толкином языках / М. Хубер // Ближний берег : сборник трудов немецкого общества Толкина. – 2014. – Вып. 11. – С. 78-92.
6. Куллманн, Т. Функция пословиц во «Властелине колец» Толкина / Т. Куллманн // Proverbium : Ежегодник международной стипендии по изучению пословиц. – 2012. – Т. 29. – С. 159-188.
7. Лувио, Э. Прямая речь в древнеанглийской поэзии: исследование речевого оформления в стихотворениях рукописи Юниуса : дис. д-р наук / Э Лувио. – Страсбург, 2011. – 320 с.
8. Толкин Дж. Р. Р. «Властелин колец»: однотомное издание, посвященное 50-летию. – Лондон : HarperCollins, 2004. – 1157 с.

Аничкина Н. В.

доцент, кафедра русского языка и литературы
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XXI ВЕКА

Аннотация

В статье рассматриваются тенденции русской литературы XXI века. Представлены результаты неравноправного взаимодействия разных стилевых начал: магический реализм, неоклассицизм, метамодернизм и других.

Ключевые слова: русская литература первой четверти XXI века, сентиментальный реализм, романтический реализм, магический реализм, постмодернизм, неоклассицизм, метамодернизм.

Keywords: russian literature of the first quarter of the 21st century, sentimental realism, romantic realism, magical realism, postmodernism, neoclassicism, and metamodernism.

Состояние и специфика современной литературы первой четверти XXI века обусловлены многими факторами: социальными, экономическими, политическими, идеологическими. Обозначим основные.

1. Полное отсутствие цензуры до 2023 года.
2. Сокращение роли литературной критики.
3. Сокращение роли «толстых» журналов (публикация в журналах не имеет большого влияния на успех произведения).
4. Вплоть до конца второго десятилетия XXI века отсутствие Союза писателей. Во втором десятилетии XXI века обозначила себя Ассоциация союзов писателей и издательств. Обновленный Союз писателей России активизировался только в 2026 году.
5. Отсутствие литературных кланов и группировок, как в литературе XVIII–XX веков.

6. Ушли четкие и понятные «ИЗМЫ» (романтизм, реализм, модернизм); это явление потеряло актуальность, писатели сами не определяют принадлежность своих произведений к тому или иному «ИЗМУ».

7. Разграничение на профессиональную и непрофессиональную литературу стало сложным и условным.

8. Усиление роли издательств. Значимо, в каком издательстве текст публикуется.

9. Важную роль в определении лица русской литературы играют премии.

Имена основных представителей, лидеров русской литературы первой четверти XXI века: Владимир Маканин, Сергей Каледин, Юрий Буйда, Захар Прилепин, Сергей Шаргунов, Андрей Геласимов, Михаил Елизаров, Роман Сенчин, Герман Садулаев, Илья Бояшов, Александр Проханов, Александр Терехов, Леонид Юзефович, Юрий Мамлеев, Юрий Поляков, Алексей Иванов, Павел Крусанов, Эдуард Веркин, Евгений Чеширко, Александр Иличевский, Андрей Жвалевский, Алексей Сальников, Петр Краснов, Александр Цыпкин, Андрей Рубанов, Аркадий Бабченко, Алексей Колмогоров, Евгений Афлатуни. Среди значимых фигур женской литературы можно назвать Татьяну Толстую, Дину Рубину, Марианну Гончарову, Анну Матвееву, Наринэ Абгарян, Марину Аромштам, Татьяну Шипошину, Ксению Букшу, Марину Степнову, Евгению Пастернак, Майю Кучерскую, Елену Чудинову, Татьяну Краснову, Мариам Петросян, Анну Старобинец, Елену Чижову, Алису Ганиеву, Екатерину Манойло, Марию Лебедеву.

Начало XXI века – это попытка возвращения классической литературной традиции – сентименталистской, классицистской, романтической, реалистической, модернистской. В результате возникает процесс неравноправного взаимодействия разных стилевых начал, когда в произведение одного направления проникают стилеобразующие элементы других направлений. Не случайно в литературе появляются сентиментальный реализм, романтический реализм, возобновляется тенденция мифологического, фантастического, магического или волшебного реализма; постмодернизм переходит в формат неоклассицизма или метамодернизма.

В произведениях сентиментального реализма изображаются истории из прошлого, воспоминания детства, юности, которые пронизаны ностальгией. Для текстов сентиментального реализма характерны духовность и нравственный максимализм, герой – личность, живущая больше чувством, чем рассудком. Автор стремится к самоидентификации

героя, к утверждению приоритета судьбы конкретного человека по отношению к истории, идеологии, политике.

Произведениям романтического реализма свойственны повышенный лиризм, экспрессия, герой – человек, не способный жить двойной жизнью, он честен, открыт, смел. В текстах утверждается идея о том, что жизнь прекрасна, какой бы тяжелой и мрачной она ни изображалась. Тенденции романтического реализма близки неореализму XXI века.

Новый реализм проявляет внимание к самым актуальным проблемам действительности. Произведения нового реализма объединяют такие особенности, как отказ от неправдоподобного вымысла, преобладание повествования от первого лица, при котором повествователем выступает автобиографический герой, герой, противопоставленный толпе, лишенный жизненных ориентиров, брошенный поколением отцов на произвол судьбы. В произведениях неореализма доминирует точка зрения автора.

Магическому реализму свойственны двойная реальность, искажение жизненного пространства, субъективность времени, отсутствие психологического анализа, относительная антиутопичность, мотивировка сюжета национальным или духовным опытом; герой способен непосредственно воспринимать скрытую реальность. Эти особенности сближают магический реализм первой четверти XXI века с экзистенциальной литературой, для которой характерно изображение внешнего мира, враждебного человеку. Герой не владеет ситуацией, его поступки обусловлены чаще всего негативным чувством, и единственная возможность преодолеть неизбежность – смерть.

Обращение к неоклассицизму в XXI веке обусловлено стремлением писателей создавать произведения, которые порождают ощущение порядка и четкости мысли. Авторы учитывают исторические факты, собственный опыт, документальность, решая современные проблемы в контексте вечных тем.

Явление метамодернизма в XXI веке трактуется как странное и противоречивое сочетание крайностей, как отрезок времени переходного периода, который даст начало чему-то новому, прогрессивному. Метамодернисты стремятся через сложные структуры продемонстрировать состояние современной действительности.

Возможно, все эти явления в литературе первой четверти XXI века приведут к возникновению нового, более гармоничного художественного стиля.

Список литературы

1. Косарева, Л. А. Русская литература XX века : учебное пособие / Л. А. Косарева. – М. : Российский университет дружбы народов, 2012. – 287 с.
2. Мартянов, С. Тиражи метамодернистов растут // Вопросы литературы. – № 6. – 2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://voplit.ru/column-post/tirazhi-metamodernistov-rastut/> свободный.

Базанова Ю. В.

студентка, кафедра истории, философии и социально-гуманитарных наук,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия
Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент И. А. Шебалин

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СМЕРТИ И. В. СТАЛИНА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация

В статье анализируются обстоятельства смерти И. В. Сталина в свете современных подходов; сопоставляются версии естественной смерти от инсульта и насильственной (отравление или лишение помощи).

Ключевые слова: насильственная смерть, расследование, официальная версия.

Keywords: violent death, investigation, official version.

Смерть Иосифа Виссарионовича Сталина, произошедшая 5 марта 1953 года, стала поворотным моментом в истории Советского Союза и оказала глубокое влияние на политическое, социальное и культурное развитие страны. Это событие, ознаменовавшее собой завершение эпохи сталинского режима, сопровождалось острой борьбой за власть, переоценкой политического наследия и формированием новых ориентиров внутренней и внешней политики. Несмотря на официальную версию, существуют альтернативные гипотезы и теории, касающиеся последних дней жизни Сталина, причин его болезни и оказания медицинской помощи. Вопросы о том, была ли оказана помощь вовремя и в полном объёме, а также о том, была ли его смерть преднамеренной, до сих пор обсуждаются, подпитывая конспирологические версии. В совокупности эти факторы делают тему смерти Сталина сложной и многогранной. Отсутствие единого мнения и сохраняющиеся противоречия в исторических источниках способствуют сохранению дискуссионного характера этой темы.

Рассматриваемая тема направлена на осмысление альтернативных взглядов и современных дискуссий о смерти Сталина. Данные вопросы рассматривались разными специалистами и историками в отечественной историографии – через призму их оценок и анализа соответствующей документации.

Иосиф Виссарионович Сталин умер на своей даче в Кунцево в возрасте 74 лет. Согласно медицинскому заключению о его смерти и болезни, а также соответствующему изучению данных документов [1], официальной причиной смерти «вождя» является инсульт. Установлено, что он уже страдал гипертонической болезнью и атеросклерозом, в марте же симптомы и состояние больного начали ухудшаться.

Стоит отметить, что вплоть до 2000-х годов все документы и архивные данные были засекречены, особенно касательно данного вопроса. Не существует единой даты, когда были открыты все архивы. Этот процесс проходил поэтапно, начиная с конца 1980-х годов, и продолжается до сих пор. Здесь важно осознавать, что здоровье лидера такого уровня, как Сталин, представляло собой государственную тайну. Любая информация о его состоянии могла быть использована противниками как внутри страны, так и за рубежом для подрыва его авторитета или даже для покушения, по этой причине данная информация была засекречена. Конечно, некоторые историки и ученые полагают, что данная секретность была обусловлена стремлением избежать нежелательной огласки или защитить других лиц, причастных к его лечению. Например, историк А. Л. Костин в своей работе «Смерть Сталина. При чём здесь Брежнев?» [4] отвергает теории о насильственной смерти Сталина и отмечает, что другие исследователи, пытавшиеся найти «тёмные тайны» в этом деле, опирались на сомнительные источники: мемуары Н. С. Хрущёва или воспоминания офицеров личной охраны Сталина [4, 1-2].

Данную версию также «поддерживает» и заключение профессора Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова, доктора медицинских наук В. А. Недоступа о причинах смерти И. В. Сталина 2002 года: «Изучение документов, связанных с состоянием здоровья И. В. Сталина и его последней болезнью, не дает оснований для подозрений о насильственных причинах его смерти. Тяжелый инсульт, произошедший, по-видимому, на фоне гипертонического криза, практически не оставлял шансов на благополучный исход. Лечебные мероприятия, проводившиеся консилиумом специалистов, были адекватны тяжести состояния больного и в полном объеме соответствовали уровню медицинских знаний своего времени» [5, 3].

Если подводить итог, касательно изучения медицинских документов и мнений некоторых историков по этому вопросу, стоит обозначить следующее: первый инсульт Сталин пережил в октябре 1945 года, но смог оправиться. Второй удар в октябре 1949 года был гораздо серьёзнее. На несколько дней глава СССР даже лишился речи. Третий удар, в марте 1953 года, стал смертельным.

Некоторые исследователи данного проблемного поля находят изъян в обозначенной выше версии – врачей к Сталину вызвали не сразу, а только утром 2 марта. Здесь стоит отметить, что десятилетия спустя бывший старший офицер и историк Дмитрий Волкогонов [10] описал, как 28 февраля 1953 года Сталин и несколько человек из его ближайшего окружения, в том числе Лаврентий Берия, Никита Хрущёв, Георгий Маленков, Вячеслав Молотов и некоторые другие, собрались на вечер развлечений и выпивки. Гости разошлись примерно в 5:00 утра 1 марта. Примерно в 23:00 1 марта экономка Сталина осторожно вошла в его комнату и обнаружила, что он лежит на полу в пижамных брюках и рубашке, а в 7:00 утра 2 марта Берию и группу медицинских экспертов вызвали для осмотра Сталина. Почему же этого не сделали сразу, когда обнаружили лежащего на полу Сталина – неизвестно.

Граждане СССР узнали о смерти «вождя» только 6 марта. Как отмечает в своей книге «Загадка смерти Сталина» А. Авторханов [2] – это были масштабные, сверхимператорские похороны [2, гл. 11, 222].

В современной исторической науке дискуссии о достоверности причин смерти Сталина не утрачивают актуальности. Более того, исследователи и журналисты по-прежнему выдвигают версии о насильственной гибели вождя.

В этом ключе можно отметить работу журналистки Елены Прудниковой «Сталин: второе убийство» 2004 года [6]. В 22 главе под названием «Обстоятельства смерти не выяснены», автор ясно даёт понять, что смерть Сталина – это не случайность, а намеренное убийство ввиду сложной политической борьбы и интриг внутри советского руководства. В этом вопросе многие обвиняют Берию, якобы когда Сталин заболел, тот подносил ему воду с лекарством, подмешивая посторонние вещества. В. М. Молотов также поддерживал данную теорию, говоря о том, что Берия боялся опалы в свою сторону ввиду волн начавшихся репрессий. Журналистка отвергает данную теорию, приводя аргументы в пользу того, что он не имел сильного мотива для убийства Сталина, как и ему самому нет

нужды беспричинно отдавать всех под расстрел – сам же Берия просто стал «грушей для битья». Елена Прудникова заявляет следующее: «...ему, единственному из всех, в случае передачи власти от партии к правительству ничего не грозило. Берия был «промышленник», а не аппаратчик, как остальные, и в этом случае только выигрывал, он был заинтересован в сталинских преобразованиях, в результате которых мог получить гораздо больше власти и влияния, чем имел» [6, 372]. В данной работе отмечается, что заинтересованным лицом выступает Н. С. Хрущев: слухи о том, что Сталин хотел устранить Берию, так и то, что Берия причастен к смерти Сталина, исходят из одного источника – из Политбюро, в котором тогда верховодил Хрущев и его команда. В пользу теории о насильственной смерти журналистка Елена Прудникова приводит доказательства о странном поведении охранников и отсутствии своевременного приезда врачей.

Схожесть во мнении о намеренном убийстве Сталина содержится и в работе историка Н. А. Добрюхи «Как убивали Сталина» 2007 года [3]. Автор придерживается теории об отравлении и даже полагает, что на вскрытии было тело двойника на основании патологоанатомического акта исследования тела Сталина в 1953 году, в котором говорилось, что «привезли тело Сталина, а его самого не было...» [3, гл. 12, 157]. По мнению историка, Сталину подмешали яд, который вызвал симптомы, имитирующие инсульт. Он не называет конкретный яд, но предполагает, что это было вещество, которое сложно обнаружить при вскрытии [3, гл. 12, 160]. Также он подчеркивает роль Лаврентия Берии как ключевой фигуры в организации отравления. Автор указывает на то, что Берия имел наибольшие возможности для осуществления такого преступления, поскольку контролировал охрану Сталина и доступ к нему. Н. А. Добрюха также обвиняет врачей, вызванных к Сталину, в бездействии и намеренном неоказании своевременной и квалифицированной помощи. Он считает, что врачи были либо участниками заговора, либо получили указания не вмешиваться в естественный ход событий.

Приближаясь к более современному этапу в отечественной историографии, исследователи всё больше придерживаются официальной версии смерти Сталина, а именно естественной. Здесь важно обозначить научную статью А. Л. Костина «Смерть Сталина. При чем здесь Брежнев?» [4] 2011 года. Автор отмечает, что большинство заключений авторов публикаций о насильственной смерти Сталина являются «плодом их необузданной фантазии». В своей работе он разоблачает и рассматривает версии известных авторов о заговоре против Сталина, например А. Авторханова [2]. Все рассуждения и теории

строятся на недостоверных источниках: мемуары Н. С. Хрущева, воспоминания офицеров личной охраны Сталина, а также на простых слухах и мифах [4, 1]. В этом ключе отмечается и самая большая странность – ни один из серьёзных авторов исследований и публикаций о болезни и смерти Сталина не рассмотрел самую простую версию, а именно версию о естественной смерти вождя. Историк отмечает, что сложение «небылиц» и разного рода догадок возникает из-за наличия «тайны», как это было с мифом о сталинской «прострации», когда тот не выступил по радио в первый день войны. Здесь же сама «тайна» заключается в якобы неясности смерти, а именно о её «негласности». В этом ключе А. Л. Костин обращается к трудам историка В. М. Жухрая – ранее генерала Ю. Маркова, который был в близких отношениях со Сталиным и прекрасно знал состояние своего «друга», поэтому, когда тот умер, Владимир Михайлович просто не посчитал нужным писать и даже говорить об очевидном для него факте естественной смерти [4, 2-3].

Интересной представляется мысль А. Л. Костина о том, что если и было заинтересованное лицо в сложившейся политической ситуации, то это именно Брежнев: он мог опасаться репрессий и чисток, которые были характерны для сталинской эпохи, ведь в этот период времени его карьера «шла в гору». Историк не утверждает прямо, что Брежнев был причастен к смерти Сталина. Он скорее выдвигает гипотезу и предлагает читателю задуматься о том, мог ли Брежнев быть заинтересован в устранении Сталина, учитывая его политические амбиции, возможные опасения и последующее стремительное восхождение по карьерной лестнице. Статья ставит больше вопросов, чем дает ответов, и предлагает альтернативный взгляд на возможные мотивы и интересы партийной элиты в период после смерти Сталина.

Представляется интересным отметить интервью журналиста-историка Владимира Рудакова с доктором исторических наук Олегом Хлевнюком 2023 года, в котором обсуждалась смерть вождя [8]. О. Хлевнюк утверждает, что ещё никто из существовавших авторов не привёл надёжной доказательной базы, которая демонстрировала чью-либо причастность или вину в смерти Сталина. Исследователь приводит в пример воспоминания профессора Мясникова, который был врачом Иосифа Виссарионовича и проводил вскрытие: «...кровоизлияние в левом полушарии мозга на почве гипертонии и атеросклероза» – таков был точный вердикт, а существовавшие медицинские документы и архивы логичным образом это подтверждали. В этом ключе Олег Хлевнюк подчеркивает, что важно учитывать возраст Сталина – ему было почти 75 лет, и он никогда не отличался крепким

здоровьем. Его образ жизни, включавший курение, ночные бдения и употребление алкоголя, также не способствовал благополучию. Историки, изучающие документы, опровергают версии о причастности окружения к гибели Сталина из-за политических интриг или страха репрессий. В частности, Берия к тому моменту уже был отстранен от госбезопасности, а исторические примеры отношений Сталина с соратниками не указывают на возможность подобных сценариев [9].

Исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что современное обсуждение темы смерти Сталина сводится к согласию многих историков-учёных с теорией естественной смерти, признавая при этом некоторые фактические и медицинские несостыковки. Разными остаются лишь взгляды на то, кому действительно была бы выгодна смерть Иосифа Виссарионовича и кто бы мог гипотетически «приложить к этому руку». Приверженцами версии насильственной смерти в основном остаются журналисты, освещавшие данную тему в своих книгах.

Историки признают, что гибель Сталина была для его окружения желанной, а грандиозные похороны подчеркнули сакральность власти. Современные исследователи (А. Л. Костин, О. Хлевнюк) считают наиболее доказательной версию естественной смерти: аргумент об отравлении, основанный на кровотечении в желудке, объясняется сосудистрофическим поражением слизистой, связанным с основным диагнозом. Версия о выгоды смерти для оппонентов не оспаривается, однако сохраняется плюрализм подходов, обилие ненаучной литературы и неизученные моменты. Это делает дискуссию актуальной и требует строгого фактологического обоснования при опоре на первоисточники.

Список литературы

1. Российский государственный архив социально-политической истории: док.27: Медицинское заключение о болезни и смерти Сталина И. В., составленное Третьяковым А. Ф., Купериным И. И., Лукомским П. Е. и др. 11 медицинских документов. Раздел: медицинское заключение. Ф.558, оп.11, д.1486, док.27 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rgaspi-558.dlibrary.org/ru/nodes/26863-dokument-27-dok-27-meditsinskoe-zaklyuchenie-o-bolezni-i-smerti-stalina-i-v> свободный. – Загл. с экрана.
2. Авторханов, А. Загадка смерти Сталина (заговор Берия) / А. Авторханов. – Изд. «Посев». Четвёртое изд. 1981 г. 13 гл. – с. 323.
3. Добрюха, Н. Как убивали Сталина / Н. Добрюха. – М. : Издательско-полиграфическое объединение «У Никитских ворот», – 2007 г. – с. 592.
4. Костин, А. Л. Смерть Сталина. При чем здесь Брежнев? : научна статья / А. Л. Костин. – М. : Изд. «Эксмо», 2011 г., – с. 148.

5. Пихоя, Р. Т. 5 марта 1953 года. Пятьдесят лет спустя : научная статья. «Социология власти». 2003 год, – с. 12. [Электронный ресурс] Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/5-marta-1953-goda-pyatdesyat-let-spustya/viewer> свободный. – Загл. с экрана.
6. Прудникова, Е. А. Сталин. Второе убийство / Е. А. Прудникова. – СПб. : Издательский Дом «Нева», серия «Тайны великих». 2003 год; 5ч., гл. 24, – с. 448.
7. Рубинштейн, Д. Последние дни Сталина / Д. Рубинштейн. – М. : Изд. на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2016 г., – с. 312.
8. Хлевнюк, О. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры / О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий ; [пер. с англ. глав 1, 2, 6 А. А. Пешкова]. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 231 с.
9. Историк.Рф: Смерть вождя : интервью В. Рудакова и О. Хлевнюка. Интернет-ресурс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://историк.рф/journal/post/7001> свободный. – Загл. с экрана.
10. National security archive : Посмертное вскрытие империи. Аркадий Львов. Интернет-ресурс. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nsarchive.gwu.edu/document/26838-3-arkadiy-lvov-posmertnoe-vskrytie-imperii> свободный. – Загл. с экрана.

Бодрова А. В.

студентка, кафедра истории, философии и социально-гуманитарных наук,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия
Научный руководитель: канд. ист. наук А. В. Фомичев

**РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПРОСТИТУЦИИ
В РОССИИ (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Аннотация

Статья посвящена вопросу деятельности общественного движения по решению проблемы распространения проституции и связанных с ней социальных последствий в Российской империи в период с середины XIX по начало XX в.

Ключевые слова: общественное движение, проституция, социальный конфликт

Keywords: social movement, prostitution, social conflict

Развитие общественного движения в Российской империи во второй половине XIX в. привело к формированию идеи о борьбе за изменение социально-правового положения женщин, часто именуемой «женским вопросом» [1, 69]. Одним из аспектов стала проблема женщин, вовлеченных в проституцию, и их уязвимого положения.

Приоритет в решении вопроса распространения проституции и борьбы с ее негативными последствиями принадлежит государству. В 1843 г. занятие проституцией при-

обрело регламентированные формы, установился надзор со стороны государства. Учреждались специальные врачебно-полицейские комитеты (Комитеты), осуществлявшие надзор за деятельностью проституток, у которых изымали паспорта, взамен выдавая «желтый билет», ограничивающий их правовое и социальное положение [5, 290]. Такая мера имела целью предотвратить активное распространение венерических заболеваний, однако на практике привела к усугублению социальных проблем. Женщины, попадавшие в эту сферу, в силу различных причин (главная из которых – потребность в деньгах) сталкивались с множеством негативных последствий. Проституция приводила их к физической и моральной деградации, навсегда прикрепляя к позорному промыслу, так как возможность покинуть бордель и вернуться к нормальной жизни была ограничена [1, 77–78; 5, 291–292; 3, 32–33]. Однако зачастую чиновники помимо официально декларируемых мер особой инициативы не проявляли. В основном члены Комитетов не видели проблем, связанных с положением женщин, а усматривали минусы лишь в малом охвате самой системы. Так, А. И. Федоров, доктор и член петербургского Комитета, для решения всех проблем предлагал лишь расширять юрисдикцию и спонсирование комитетов, а также масштабы медосмотра женщин [12, 55–64].

В ответ на пассивность государства в отношении проблем женщин, вовлеченных в проституцию, стала обращать внимание общественность, выступавшая в виде отдельных лиц (известные врачи, юристы т. д.), общественных организаций и органов печати. Таких представителей общественной мысли стали называть аболиционистами (в противовес регламентистам, которые поддерживали учрежденную систему). Стоит отметить, что в обществе XIX–XX вв. проституция воспринималась как явление негативное, разрушающее семейные и социальные порядки. В свою очередь женщины, попавшие в это ремесло, часто вызывали не осуждение, а сочувствие. Интересным было отношение общества к Комитетам, которые воспринимались как главный источник «порабощения» женщин к тому же не выполняющий свою главную задачу (сокращение венерических заболеваний). Не последнюю роль в развитии общественной мысли в борьбе с проституцией сыграл зарубежный опыт таких стран, как Англия, Новая Зеландия, Финляндия и другие. [2, 72–74; 5, 292; 8, 209–212].

Одной из первых организаций в борьбе за защиту женщин, вовлеченных в проституцию, стал кружок защиты падших женщин, основанный графиней Е. К. Ламберт, открывшей также в Петербурге приют «Магдалина». Более широкое распространение такие общества получили к концу XIX в. Так, среди первых структурных и масштабных обществ защиты женщин было Казанское, учрежденное в 1899 г. В его рамках впервые открывалось рабочее бюро и приют для женщин, имелись также свои юристы и медики. Позднее подобные кружки, дома милосердия и общества появились и в других городах страны (1899 г. – Московское общество улучшения участи женщин; 1901 г. – Нижегородское общество защиты женщин; 1902 г. – общество в Баку и другие) [5, 292–293; 9, 36–40]. Все общества действовали за счет общественной инициативы и функционировали на благотворительной основе, вследствие чего средств для осуществления многих задач не хватало. Общества осуществляли два направления деятельности: профилактика попадания женщин в проституцию и помощь тем, кто уже живет в этой сфере. Среди задач таких организаций были: трудовая и жилищная помощь женщинам; повышение их культурно-нравственного уровня; организация получения образования и здорового досуга; забота об их детях и т. д. Так, общества предполагали организовывать любую доступную и необходимую социальную и правовую поддержку для женщины, лишь бы помочь ей выбраться из тяжелого положения [9, 45–48].

Значительный вклад в борьбу с проституцией был сделан Российским обществом защиты женщин (РОЗЖ), утвержденным в 1900 г. министром внутренних дел Д. С. Сипягиным. Особенностью общества было то, что отдельные его члены имели непосредственный доступ в Комитеты и могли оказывать влияние на систему изнутри. Кроме того, в обществе числилось большое количество видных политических и общественных деятелей (депутаты Государственной думы, юристы, врачи и другие). В ходе своей деятельности РОЗЖ добились многих правовых изменений (в вопросах защиты детей и артисток от развратной деятельности, улучшения правовой защиты проституток, ограничения порнографии и т. д.). Именно под влиянием РОЗЖ 25 декабря 1909 г. был принят закон «О мерах пресечения торга женщинами в целях разврата» [5, 294–295; 7, 161–163; 10, 37–40].

В рамках расширения общественного движения по защите прав женщин в 1910 г. состоялся Первый Всероссийский съезд по борьбе с торгом женщинами и его причинами, который не внес глобальных изменений в сложившуюся ситуацию, но отразил заинтересованность многих в решении женского вопроса, в частности, различных аспектов проблемы проституции (например, доклады Д. А. Дриля, Р. А. Шихмана и других) [3; 11].

Помимо общественных организаций, не остались в стороне и частные лица. Представители разных социальных групп активно обсуждали проблематику этого вопроса, привлекая к нему все больше внимания общественности. К примеру, социалистка и революционерка А. М. Коллонтай рассматривала проблему проституции с классовых позиций. По ее мнению, да и по мнению других представителей социалистической фракции, чтобы бороться с проституцией, нужно бороться с капитализмом [6, 173]. Среди тех, кто непосредственно предпринимал шаги к практической реализации борьбы с пороком, можно выделить юриста А. И. Елистратова, активно выступавшего против закрепощающего характера деятельности Комитетов и тяжелого социально-правового положения женщин. В 1913 г. он предлагал законопроект об отмене регламентации и закрытии притонов, предложив альтернативный комплекс мер для искоренения социальных причин проституции [3, 33–34].

Не оставила без внимания распространение проституции и периодическая печать. Женские журналы начала XX в. активно обсуждали эту проблему. Интересен был выдвигаемый на первый план субъективный тезис о том, что мужчины являются главными виновниками существования и распространения проституции. Среди активистов, связанных с периодической печатью, можно отметить врача М. И. Покровскую, редактора журнала «Женский вестник», решительно обсуждавшую проблему проституции и связанных с ней негативных последствий. Редактор журнала «Союз женщин» М. А. Чехова была одной из создательниц первой женской политической организации в стране – Союза равноправности женщин [2, 73–79].

В заключение важно отметить, что, несмотря на широкий резонанс, деятельность общественного движения второй половины XIX – начала XX в. не осуществила окончательного решения проблемы проституции, но все же путем привлечения массового внимания и практической реализации социальных мер, дала толчок ряду реформ, улучшающих положение женщин и делающих их жизнь более безопасной.

Список литературы

1. Вахромеева, О. Б. Основные факторы «Женского вопроса» в России на рубеже XIX–XX вв. / О. Б. Вахромеева // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2006. – № 3. – С. 69–84.
2. Громова, А. И. Освещение проблемы проституции в отечественных женских журналах начала XX в. / А. И. Громова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – № 3. – Т. 4. – С. 70–81.
3. Дергилева, С. Ю. Вопросы борьбы с регламентацией проституции и торгов женщинами в конце XIX– начале XX века в научной и общественной деятельности А. И. Елистратова и В. Ф. Дерюжинского / С. Ю. Дергилева, Д. С. Геворкян // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 4 (60). – С. 31–37.
4. Дриль, Д. А. О заброшенности детства, как могущественной причины детской проституции / Д. А. Дриль // Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгов женщинами и его причинами. – СПб: Типо-лит. С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1911. – Т. 1. – С. 84–91.
5. Жукова, Л. А. Деятельность женских общественных организаций России по оказанию социальной помощи проституткам в XIX – начале XX в. / Л. А. Жукова // Вестник университета. – 2014. – № 16. – С. 289–296.
6. Коллонтай, А. М. Социальные основы женского вопроса / А. М. Коллонтай. – Санкт-Петербург: Знание, 1909. – 431 с.
7. Мартыненко, Н. К. Взаимодействие российского общества защиты женщин с государственной властью в середине XIX начале XX в. / Н. К. Мартыненко // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4–3. – С. 160–164.
8. Мартыненко, Н. К. Взгляды российского общества конца XIX начала XX веков на сущность проституции / Н. К. Мартыненко // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2011. – № 8. – С. 208–218.
9. Мартыненко, Н. К. Российские благотворительные общества в защите женщин от проституции в конце XIX – начале XX веков / Н. К. Мартыненко // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2010. – № 5 – С. 36–48.
10. Мартыненко, Н. К. Цели, задачи и структура российского общества защиты женщин в начале XX в. / Н. К. Мартыненко // Вестник Тамбовского университета. – 2008. – № 4(60). – С. 35–44.
11. Шихман, Р. А. О тайной проституции в С.-Петербурге и ее причинах Р. А. Шихман // Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгов женщинами и его причинами. – СПб: Типо-лит. С.-Петербургской одиночной тюрьмы, 1911. – Т. 1. – С. 92–122.
12. Федоров, А. И. Очерк врачебно-полицейского надзора за проституцией в СПб. / А. И. Федоров. – СПб. : Тип. СПб. градоначальства, 1897. – 64 с.

Вукович А.

студентка, филологический факультет,
Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Босния и Герцеговина
Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент Л. Б. Алимova

СЕРБСКИЕ ВОССТАНИЯ ПРОТИВ ТУРОК И БАЛКАНСКИЙ ВОПРОС В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация

Статья посвящена сложным и противоречивым событиям, связанным со взаимоотношениями балканских народов и Османской Турции на примере борьбы за независимость Сербии и первого сербского восстания 1804–1813 гг. Особое внимание уделяется оценке роли Российской империи в описываемых событиях.

Ключевые слова: внешняя политика, балканский вопрос, национально-освободительная борьба.

Keywords: foreign policy, Balkan issue, national liberation struggle.

В статье предлагается обсудить отношение турок к балканским народам, а также причины сербских восстаний первой половины XIX века, Первое сербское восстание, подавление Первого сербского восстания и миграции сербского народа в Россию.

Лишь после падения Смедерево в 1459 году, спустя 70 лет после битвы на Косовом поле, Сербия окончательно перешла под турецкое владычество. Жить под турками стало невозможно, поскольку христианские народы столкнулись с абсолютной тиранией. Начиная с XVI века, сербское население, называемое турками «Рая», должно было платить своим турецким господам:

- «харач» – императорская дань (султану) за каждого трудоспособного мужчину и основную часть всей продукции с полей;
- «налог» – деньги на выпас скота и все прочие расходы на нахию (оплата полиции, часть также выплачивалась князьям);
- «чибук» – на овец и коз (одна-две пары на голову);
- «думрук» – на табак (тот, кто его сеет);
- «кровная пенсия» – выплачиваемая деревней, в которой это произошло, если кто-то убивает человека или если человек найден мертвым (падает с дерева или лошади, тонет, умирает от холода и т. д.);

– Рождественский оброк, когда каждый дом на Рождество давал паше пшеницу, ячмень и овес;

– ежегодную барщину, когда летом крестьяне ездили в Константинополь косить луга султана, а некоторым приходилось делать это в течение 100 дней вместе с пашой;

– кровавый налог – «ДЕВШИРМЕ» (насильственное изъятие и похищение детей);

– право первой ночи (право турка спать с невестой).

Терпеть такие законы и правила, которые к тому же постоянно менялись, было невозможно. Сербский народ принял призыв Австро-Венгерской монархии сражаться на их стороне против турок, но из-за страха перед турецким возмездием многие перебрались через реки Сава и Дунай. Австрия много обещала сербам, но ничего не выполнила. И поэтому сербский народ оказался между двумя врагами: Австрией и Турцией. Австрии были нужны защитники границ, а что с ними будет и какие у них права, было совсем неважно. В произведениях Милоша Црнянского, классика сербской и мировой литературы, мы читаем о сербах на границе и их миграциях, сначала в Австрию, о сражениях с турками, а затем о переселении в Россию. «Есть переселения. Смерти нет!» [3, 788].

Положение сербского народа, оставшегося в Белградском пашалыке, еще больше ухудшилось с ослаблением турецкого центрального правительства: янычары, захватившие власть, ввели новые поборы. Сербские добровольцы все чаще откликались на призыв Австрии сражаться на ее стороне против Турции.

В начале 1802 года вся власть в Белградском пашалыке была захвачена четырьмя дахами: Аганлией, Кучуком Алией, Мулой Юсуфом и Мехмедом ага Фочичем. Они заранее сообщили Порте, что убили Мустафу-пашу как неверного и предателя. О страданиях сербов во время османского владычества можно прочитать в произведениях единственного сербского лауреата Нобелевской премии, Иво Андрича [2].

Султан Селим III, убежденный в том, что сербы восстают только против угнетения дахи и янычаров, а не против имперской власти, обратился к дахи: «...Мне уже надоели ваши жалобы... я писал вам несколько раз, умоляя успокоиться и прекратить притеснения, но вы до сих пор меня не слушали. Сейчас я пишу вам в последний раз; если вы не успокоитесь и не прекратите притеснения... я соберу против вас армию; но знайте, что я не соберу против вас турецкую армию, потому что турок жалеет турка, а

соберу против вас армию из другого народа и по другому закону, которая сделает с вами то, чего никогда не делали с турками...».

Ситуация накалялась, и сербы, не зная, что их ждет, постепенно наращивали силы в разных регионах и готовились к борьбе против турок. Событие, получившее название «Сеча кнезова» или «Убийство князей», связано с казнью двенадцати сербских харамб и национальных чемпионов в Белградском пашалыке турецкими дахи. Это событие непосредственно предшествовало и стало причиной начала Первого сербского восстания в середине февраля 1804 года. Четыре дахи вернулись и разделили Белградский пашалык на 4 зоны интересов, отменили привилегии для сербов, сами собирали налоги и другие пошлины, судили и выносили решения по своей воле... Террор и царство страха усиливались день ото дня.

В начале 1803 года сербский народ решил, что необходимо поднять восстание, и начались переговоры. Письмо, в котором упоминалось о восстании в конце 1804 года, попало в руки турок и достигло дахи, которые хотели запугать сербов этой казнью и предотвратить восстание, но произошло обратное. Восстание было быстро поднято, но не летом, а зимой, на Сретенье в 1804 году.

Лидером восстания стал Караджордже, которому приписывают следующие слова: «А теперь, братья, пусть каждый из вас пойдет в свой край. Поднимите народ на восстание, сожгите турецких ханов... И убейте субашей и янычаров». Есть много версий происхождения прозвища Караджордже. Есть версия, что прозвище произошло от слияния турецкого слова кара и его имени Георгий, есть версии, что оно связано со смуглым цветом кожи. По словам еще одного лидера восстания Петра Йокича, Караджордже получил прозвище от своей матери, которая прокляла его после того, как он убил своего отца.

Повстанцы действовали не только на военном, но и на дипломатическом уровне, стремясь заручиться поддержкой крупнейших европейских стран. Полагая, что истинное спасение сербский народ может ожидать только от своей родственной России, Караджордже и другие старейшины 27 июля 1804 года написали петицию русскому царю. Получив эти просьбы и предложения, император 28 ноября 1804 года приказал министру финансов выделить 5000 дукатов повстанцам в Сербии (и по 300 дукатов каждому

депутату). Немедленно было отправлено письмо российскому послу в Константинополе с инструкциями о том, как повлиять на Порту, чтобы обеспечить более мирное и лучшее будущее для сербов.

Перечислим ключевые сражения восстания:

1. Битва при Дрлупе (1804): первое прямое столкновение повстанцев с турецкой армией под командованием Агалии, подтвердившее силу движения.

2. Битва при Иванковаце (1805): первая крупная победа сербской армии над регулярной имперской турецкой армией, превратившая восстание из локального бунта в войну за независимость.

3. Битва при Мишаре (1806): одна из величайших побед повстанцев, в которой Караджордже и сербская кавалерия разгромили боснийскую турецкую армию, предотвратив продвижение турок с запада.

4. Битва при Делиграде (1806): сербы успешно обороняли стратегически важные укрепления на правом берегу Моравы, остановив турецкое наступление со стороны Ниша.

5. Осада и взятие Белграда (1806): решающее событие, в ходе которого повстанцы взяли под контроль административный и военный центр пашалуков.

6. Битва при Чегре (1809): трагическое поражение сербской армии под Нишем, известное героической смертью Стевана Синджелича и возведением башни Челе как памятника сопротивлению.

7. Битва при Варварине (1810): объединенные сербская и русская армии разгромили турецкие войска, что стало одним из примеров успешного военного сотрудничества.

8. Битва при Лознице (1810): еще одна значительная победа над турецкими войсками, наступавшими из Боснии.

Победы русской армии под командованием М. И. Кутузова над турецкими войсками на Дунае вынудили Турцию к переговорам с Россией. Переговоры, начавшиеся 19 октября 1811 года и продолжавшиеся в январе, завершились 28 мая 1812 года заключением Бухарестского мирного договора. Русские пошли на значительные уступки Турции в ущерб сербам.

Живет интересная, полулегендарная история о том, что когда Наполеона спросили, кого он считает величайшим военачальником того времени, он ответил: «Мне легко быть великим с нашей опытной армией и огромными ресурсами, но там, на юге, на Балканах, есть военачальник, который вышел из простого народа и который, собрав вокруг себя своих пастухов, сумел поколебать основы огромной Османской империи без оружия и боеприпасов. Это Караджордже; ему принадлежит слава величайшего военачальника».

После безуспешного посредничества Австрии и России Караджордже был вынужден написать письмо Великому визирю Турции с просьбой о шестинедельном перемирии и начале мирных переговоров. Разочарованный, дряхлый и потерянный, Караджордже 3 октября 1813 года переехал из Белграда в Земун. Сербы надеялись на этого вождя, полагая, что он отправился за помощью и скоро вернется, чтобы помочь им в борьбе.

Россия, занятая борьбой с наполеоновской Францией, не смогла оказать Сербии масштабной помощи, которую ожидали участники восстания. Караджордже был сильно разочарован этим фактом. Но национально-освободительная борьба сербов против турецкого ига нашла отражение в русской культуре. А. С. Пушкин под впечатлением от легенд о дочери Караджордже (рус. – Карагеоргий) создал стихотворение «Дочери Карагеоргия». М. Ю. Лермонтов в романе «Герой нашего времени» сделал лейтенанта Вуича трагическим героем главы «Фаталист», отразив участие сербов в Бородинском сражении на стороне русской армии. Образы героев и битв того времени нашли отражение в живописи и даже в таких художественных произведениях, как шпалеры, украшавшие стены дворцов [1].

События начала XIX века стали для сербов мощным инструментом формирования национальной идентичности. Не только политика, но и культура – как национальная, так и европейская – не просто фиксировали исторические события, но и вдохновляли сербский народ на борьбу за независимость, а также укрепляли связи с другими славянскими народами, прежде всего с Россией.

Список литературы

1. Алимова, Л. Б. Шпалерные мануфактуры в России в XVIII – второй трети XIX в. / Л. Б. Алимова. – Изд-во Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федераль-

ного государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Оренбургский государственный университет», 2017. – С. 14-40.

2. Андрич, Иво. Мост на Дрине / Иво Андрич. – М. : АСТ, 2023. – 384 с.

3. Црњански, Милош. Српско становиште / Милош Црњански. – Београд : Catena mundi, 2020. – С. 788.

Даниленко О. В.

кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра безопасности жизнедеятельности и физической культуры,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К ЗАЩИТЕ РОДИНЫ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В КУРСЕ ОСНОВ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗАЩИТЫ РОДИНЫ: МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация

В статье рассматривается проблема разработки эффективных методов преподавания нового школьного предмета «Основы безопасности и защиты Родины» (ОБЗР), введенного с 2024 года. На основе анализа нормативных документов и практического опыта выделяются ключевые методические подходы: практико-ориентированный, ситуационный (кейс-метод), игровое моделирование. Обосновывается необходимость интеграции военно-патриотического компонента с отработкой алгоритмов действий в чрезвычайных ситуациях. Приводятся конкретные примеры заданий, направленных на формирование навыков оказания первой помощи и поведения при угрозах различного характера. Предлагаются пути преодоления типичных трудностей, связанных с недостатком оборудования и часов.

Ключевые слова: основы безопасности и защиты Родины (ОБЗР), методика обучения, готовность к защите Отечества, кейс-метод, практико-ориентированное обучение, военно-патриотическое воспитание.

Keywords: fundamentals of safety and homeland defense (FSHD), teaching methods, readiness to defend the homeland, case method, practice-oriented learning, military-patriotic education.

С сентября 2024 г. в российских общеобразовательных организациях вместо курса «Основы безопасности жизнедеятельности» (ОБЖ) реализуется предмет «Основы безопасности и защиты Родины» (ОБЗР). Необходимость замены была обусловлена ростом внешних и внутренних угроз, изменением характера военных конфликтов, а также запросом общества на практическую подготовку молодёжи к действиям в экстремальных ситуациях. По сравнению с ОБЖ новый предмет включает значительный блок начальной военной подготовки, что потребовало пересмотра учебных программ и методов [3].

Вместе с тем переход к обновлённому содержанию столкнулся с рядом проблем: недостаточная готовность педагогов, слабая материальная база, отсутствие апробированных учебно-методических комплексов. В сложившихся условиях особенно востребованным становится анализ тех методических приёмов, которые позволяют при минимальных ресурсах достичь главной цели – сформировать у обучающихся осознанную готовность к защите Отечества и навыки безопасного поведения в опасных и чрезвычайных ситуациях.

Цель нашей работы: выявить и охарактеризовать наиболее результативные методические подходы к преподаванию ОБЗР, ориентированные на практическое применение знаний.

Структура ОБЗР, согласно приказу Минпросвещения № 1028 от 27.12.2023, включает одиннадцать модулей [3]. Ключевая особенность – сочетание тем, ранее относившихся к гражданской обороне (пожары, наводнения, ДТП), и тем военной тематики (строевая подготовка, тактическая медицина, обращение с оружием). Игнорирование любого из компонентов делает подготовку неполной. Однако излишний упор на теорию, как показывает практика, ведёт к формальному усвоению правил, которые не активизируются в стрессовой ситуации.

Следовательно, выбор методов должен подчиняться принципу имитации реальных условий. Простое описание алгоритма «вызвать 112, наложить жгут, провести эвакуацию» не трансформируется в навык. Требуются многократные повторения в условиях, приближённых к стрессовым (ограничение времени, шум, ролевое давление) [4].

Наиболее адекватным для ОБЗР признаётся метод ситуационного анализа (кейс-стади). В отличие от абстрактных задач, кейсы базируются на реальных происшествиях – техногенных авариях, природных катаклизмах, террористических актах. Источниками служат новостные сводки, отчёты МЧС, публикации в СМИ с последующей методической обработкой [5].

Пример кейса для 9 класса: «В автобус, следовавший по маршруту, врезался грузовой автомобиль. Несколько пассажиров получили ранения, один из них без сознания. Водитель автобуса растерян. Ваши действия как пассажира с базовыми навыками первой помощи». Обучающиеся в течение 5–7 минут готовят ответы по плану:

1) оценка обстановки, 2) вызов экстренных служб, 3) приоритетные мероприятия (остановка кровотечения, иммобилизация, оценка сознания). Последующее обсуждение выявляет типичные ошибки (например, попытка вытащить пострадавшего без фиксации шеи). Преимущество кейсов – их вариативность: можно изменять условия (ночь, дождь, наличие других свидетелей), добиваясь гибкости мышления [4; 5].

Для отработки навыков первой помощи и тактической медицины (остановка массивного кровотечения, использование жгута Эсмарха, наложение окклюзионной повязки) эффективны ролевые игры с распределением ролей «пострадавший – спасатель – диспетчер – очевидец». Важное условие: использование муляжей, имитаторов крови (допустимо применение подручных средств – томатной пасты, красной гуаши), чтобы создать правдоподобный визуальный ряд. Психологическая нагрузка, возникающая при виде «крови», снижает панику в реальной ситуации [4].

Описаны случаи, когда школы, не имеющие специализированного оборудования, использовали списанные медицинские шины, самодельные жгуты из резиновых трубок, а роль носилок выполняли одеяла и куртки [1]. Такая импровизация не снижает, а напротив, повышает адаптивность учащихся – они учатся действовать с тем, что есть под рукой.

Отсутствие тренажёров для сердечно-лёгочной реанимации (СЛР) или лазерных тиров компенсируется бесплатными или условно-бесплатными симуляторами: мобильные приложения «Первая помощь», веб-тренажёры по правилам эвакуации. Однако следует учитывать ограничение: виртуальная отработка СЛР без манекена даёт лишь когнитивное представление, поэтому при первой возможности желательно проводить выездные занятия в учебных центрах МЧС. Инновационная образовательная среда, как отмечено в исследовании Н. А. Каргапольцевой, способствует интеграции общего, дополнительного и профессионального образования, что особенно актуально для предметов безопасности [2].

Одна из задач ОБЗР – воспитание патриотизма и мотивации к защите Родины. Необходимо избегать формализованных мероприятий (доклады, рефераты на темы «Почему я люблю Россию»). Более действенными оказываются практические дела: подготовка стенда для военно-учётных столов, шефство над поздравлениями ветеранов, организация школьного поста почётного караула. Желательно приглашение участников

реальных событий (ветеранов локальных конфликтов, ликвидаторов аварий), которые в формате диалога обсуждают конкретные ситуации. Когда ученики слышат не общую фразу, а рассказ о том, как правильно вести себя при артобстреле и почему важна военная подготовка, мотивация возрастает в 2–3 раза [1].

Опыт преподавания ОБЗР выявил, что традиционные лекционно-объяснительные методы малопродуктивны. Наиболее востребованными становятся: ситуационные кейсы на материале реальных происшествий; ролевые игры с элементами тактической медицины; цифровые симуляторы для компенсации недостатка тренажёров; практико-ориентированные патриотические проекты.

Перспективами дальнейших исследований являются разработка критериев оценки уровня сформированности готовности к защите Родины, а также создание открытого банка методических материалов для учителей ОБЗР, работающих в условиях ограниченных ресурсов.

Список литературы

1. Есаулова, М. И. Формирование ключевых компетенций школьников в условиях применения информационно-коммуникационных технологий на уроках «Основы безопасности жизнедеятельности и защиты Родины» / М. И. Есаулова // Молодой ученый. – 2026. – № 1 (604). – С. 50-52.
2. Каргапольцева, Н. А. Формирование инновационной образовательной среды взаимодействия общего, дополнительного и профессионального образования в пространстве университетского округа [Электронный ресурс] / Н. А. Каргапольцева. – Оренбург : ОГУ. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/bitstream/123456789/579/1/3746-3750.pdf> (свободный). – Загл. с экрана.
3. Приказ Минпросвещения России от 27.12.2023 № 1028 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты основного общего и среднего общего образования». – Текст : электронный // Гарант. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410239866/> (дата обращения: 15.04.2026).
4. Ситникова, О. С. Использование кейс-технологии в процессе преподавания «Основ безопасности жизнедеятельности» в учреждении среднего профессионального образования / О. С. Ситникова, О. Ю. Беспярых // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2020. – № 2. – С. 24–29.
5. Тарасенко, А. П. Кейс-технологии как метод стимулирования познавательной активности обучающихся на уроках ОБЗР / А. П. Тарасенко, Р. В. Зарубина // Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Чебоксары : Среда, 2025. – С. 239–241.

Дарбинян А. Т.

студентка, кафедра иностранных языков,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия
Научный руководитель: канд. филол. наук, доцент О. В. Олейник

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ У УЧАЩИХСЯ 4 КЛАССА НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

В статье рассматривается проблема формирования грамматических навыков английского языка у учащихся 4 класса общеобразовательной школы. Цель исследования – теоретически обосновать, разработать и экспериментально проверить эффективность использования геймификации. В работе представлены результаты констатирующего этапа эксперимента, выявившего типичные грамматические ошибки учащихся (видовременные формы глаголов, порядок слов). Сделан вывод о том, что системное применение геймификации обеспечивает многократную повторяемость грамматического материала в коммуникативно значимом контексте и соответствует возрастным особенностям младших школьников.

Ключевые слова: геймификация, грамматические навыки, английский язык, 4 класс, игровые механики.

Keywords: gamification, grammar skills, English language, 4th grade, game mechanics.

Геймификация выступает одним из ключевых направлений развития современных образовательных технологий. Повышая познавательную активность, учебную мотивацию и интерес обучающихся к предметному содержанию, геймификация интегрирует в себе функции метода обучения, формы воспитания и средства организации образовательного процесса. Применение данной инновационной модели позволяет придать процессу формирования предметных и метапредметных навыков увлекательный характер, а игровая практика, в свою очередь, обеспечивает освоение компетенций.

ФГОС начального общего образования выступает нормативным отражением инновационных процессов в отечественной школе, задавая новые требования к содержанию образования, используемым технологиям и планируемым результатам обучения. В соответствии с данными требованиями одной из приоритетных задач обучения английскому языку на этапе начального общего образования является обеспечение усвоения лексико-грамматического материала в объёме, установленном федеральным компонентом, его отработка в коммуникативно значимом контексте, а также формирование осознанного отношения обучающихся к оперированию языковыми единицами [1, 12].

Анализ научной литературы показывает эволюцию понятия «геймификация» – от трактовки Р. Бартла как «превращения неигры в игру» до определения К. Вербаха и Д. Хантера как «использования игровых элементов в неигровых контекстах» [3, 34]. В российской науке, в работах Н. А. Асташовой, А. Н. Дахина, Е. О. Акчелова, данный метод рассматривается как система инструментов для повышения мотивации и вовлечённости, основанная на использовании игровых механик для достижения педагогических целей [4, 56].

Ключевое отличие геймификации от традиционных игровых технологий (Г. К. Селевко) заключается в том, что она не требует полного погружения в игровую реальность, а лишь интегрирует отдельные игровые элементы – очки, уровни, бейджи, квесты – в традиционную структуру урока, сохраняя его учебное содержание [5, 78]. В рамках данного исследования под геймификацией понимается педагогический метод, представляющий собой системное использование игровых элементов в учебном контексте, направленное на повышение мотивации, вовлечённости и эффективности усвоения учебного материала при сохранении традиционной структуры и содержания обучения.

Психофизиологические особенности учащихся 4 классов (10–11 лет) заключаются в сочетании завершающихся процессов формирования когнитивной сферы – развития логического мышления, произвольной памяти и внимания – с началом эмоциональной нестабильности и снижением учебной мотивации [6, 134]. Это обуславливает необходимость применения таких методов обучения, которые, опираясь на сохраняющуюся значимость наглядно-образного мышления и игровой деятельности, способствуют удержанию внимания и снижению тревожности.

Согласно ФГОС НОО, к концу 4 класса учащиеся должны овладеть морфологическими формами – Present, Past, Future Simple, модальными глаголами, конструкцией *be going to*, артиклями, местоимениями и синтаксическими конструкциями, включая порядок слов в утвердительных, отрицательных и вопросительных предложениях [1, 18].

Геймификация в формировании грамматических навыков (на примере конструкции *be going to*)

Процесс формирования грамматических навыков с элементами геймификации строится на системном использовании игровых механик. На этапе закрепления структуры *be going to* в 4 классе применяются следующие игровые упражнения.

Игра «Мишень предсказаний» (*Dartboard Predictions*). На доске размещается мишень с зонами, обозначающими действия: play football, draw a picture, eat a sandwich, read a comic. Ученик бросает мягкий мяч в мишень и составляет предложение: «I am going to play football.» Класс подтверждает или исправляет. За правильный ответ начисляется 1 очко [7, 45].

Игра «Шпионские парты» (*Spy Desks*). На каждой парте находится конверт с карточкой, где изображён значок глагола и стрелка. Стрелка вправо означает форму для he/she/it, влево – для I/we/they. Ученики составляют предложение: «He is going to play football.» Учитель проверяет, и команда, выполнившая задание без ошибок, получает жетон.

Игра «Турнир отрицаний» (*Denial Duel*). Учитель демонстрирует картинку-абсурд (например, кот читает книгу). Ученики исправляют: «The cat is not going to read a book. He is going to sleep.» За три правильных отрицания подряд учащийся получает звание «Мастер НЕТ».

Данные игры обеспечивают многократную повторяемость структуры be going to в вариативных условиях, снижают тревожность и способствуют автоматизации навыка [2, 102].

Экспериментальная работа проводилась на базе 4 класса школы № 2 г. Орск и включала три этапа: констатирующий (сентябрь 2025 года), формирующий (октябрь 2025 – апрель 2026 года) и контрольный (апрель 2026 года).

На констатирующем этапе была проведена входная диагностика, разработанная на основе программных требований к полученным знаниям, в формате задания номер 3 Всероссийских проверочных работ (ВПР) («Грамматика»), представляющего собой связный текст с пятью пропусками. Результаты показали, что среднее количество правильных ответов составило 3,1 из 5 (62 %), что соответствует среднему уровню степени обученности учащихся (СОУ) по шкале: ниже 50 % – низкий, 50–69 % – средний, 70–100 % – высокий. Типичные ошибки фиксировались в употреблении видовременных форм глаголов (Past Simple, be going to) и порядке слов в вопросительных предложениях.

Анализ учебно-методического комплекса (УМК) «Spotlight 4» показал, что учебник содержит традиционные упражнения на подстановку, трансформацию и заполнение пропусков, однако игровые элементы представлены фрагментарно. Это обосновало необходимость разработки дополнительного комплекса геймифицированных упражнений.

На формирующем этапе в структуру каждого урока интегрировались игровые механики. Был разработан банк из 18 игр, охватывающий все грамматические темы УМК

«Spotlight 4». Центральным элементом комплекса стала цифровая игра «Квест по особняку» на платформе Genially (URL: <https://genially.com/template/mystery-breakout/>). Игра выполнена в жанре escape room, содержит 70 интерактивных слайдов, 6 локаций (сад, кухня, столовая, гостиная, библиотека, спальня) и 12 грамматических заданий. Ключевая особенность игры – использование сюжетного нарратива и системы накопления кодов для перехода между локациями. В игре отрабатываются, в частности, конструкции be going to, there was/were, how much/how many, а также видовременные формы глаголов.

На контрольном этапе проведена повторная диагностика по заданиям, аналогичным констатирующему этапу. Выявлена положительная динамика: повышение среднего балла до 3,9–4,3 из 5 (78–86 %). Степень обученности учащихся (СОУ) на контрольном этапе составила 82 %, что соответствует высокому уровню [8].

Сравнительный анализ результатов констатирующего и контрольного этапов показал прирост среднего балла на 0,8–1,2 пункта (или на 20–24 процентных пункта), что подтверждает эффективность предложенного комплекса геймифицированных упражнений.

Результаты эксперимента подтвердили выдвинутую гипотезу. Системное применение геймификации, соответствующей возрастным особенностям четвероклассников, позволило:

- обеспечить многократную повторяемость грамматических структур через подстановочные игры и «бродилки»;
- создать коммуникативно значимый контекст в ролевых играх и командных соревнованиях;
- сформировать ситуацию успеха благодаря системе баллов, уровней и наград.

Эти упражнения можно использовать учителями английского языка в общеобразовательных школах. Геймификация является эффективным средством формирования грамматических навыков у младших школьников, соответствующим требованиям ФГОС НОО и современным тенденциям развития образования.

Список литературы

1. ФГОС начального общего образования (1-4 кл.) [Электронный ресурс] // ФГОС. – Режим доступа: <https://fgos.ru/fgos/fgos-noo/> (дата обращения: 14.09.2025).
2. Шатилов, С. Ф. Методика обучения грамматике иностранного языка / С. Ф. Шатилов. – Л. : ЛГПИ, 2020. – 156 с.

3. Детердинг, С. От элементов геймдизайна к игровости: определение геймификации / С. Детердинг, Д. Диксон, Р. Халед, Л. Наке // Материалы 15-й Международной академической конференции MindTrek. – 2011. – С. 9–15.
4. Дахин, А. Н. Геймификация в российском образовании: проблемы и перспективы / А. Н. Дахин // Школьные технологии. – 2018. – № 5. – С. 52–58.
5. Селевко, Г. К. Энциклопедия образовательных технологий / Г. К. Селевко. – М. : НИИ школьных технологий, 2016. – 816 с.
6. Эльконин, Д. Б. Психология игры / Д. Б. Эльконин. – М. : Владос, 2017. – 360 с.
7. Титова, С. В. Игровые технологии в обучении иностранным языкам / С. В. Титова // Иностранные языки в школе. – 2021. – № 3. – С. 42–48.
8. Симонов, В. П. Педагогический менеджмент: 50 ноу-хау в области управления образовательным процессом / С. В. Титова. – М. : Российское педагогическое агентство, 2019. – 430 с.
9. Алимova, Л. Б. Оценка качества образования в системе университетского комплекса / Л. Б. Алимova, С. В. Романович // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры. Материалы Всероссийской научно-методической конференции (с международным участием). – Оренбург: Изд.-полиграф. комплекс «Университет», 2013. – С. 13-18.
10. Орлова, С. Л. Типичные ошибки в интернет-сми и типичные ошибки в диктантах как две стороны одной проблемы / С. Л. Орлова. – Вестник Новосибирского государственного университета: Серия История, Филология. – 2014. – Т. 13. – № 9. – С. 102-105.

Кудряшова Ю. О.

студентка, кафедра иностранных языков,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия
Научный руководитель: канд. филол. наук, доцент О. Л. Уткина

СИСТЕМА ЭПИТЕТОВ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация

Статья посвящена изучению системы эпитетов и их функционирования в языке современной английской литературы на материале романа С. Ч. Фолкса «Неделя в декабре». Целью работы является анализ системы функционирования эпитетов в данном романе. Задачи исследования: определить понятие «эпитет», рассмотреть классификации и функции эпитетов, проанализировать их функционирование в произведении. В работе применялся структурно-семантический анализ эпитетов, использованных автором для создания образов персонажей и выражения социальной проблематики.

Ключевые слова: эпитет, классификация эпитетов, функции эпитетов, художественный текст.

Keywords: epithet, classification of epithets, functions of epithets, literary text.

Эпитет как разновидность тропа являлся предметом изучения многих лингвистов: А. А. Потебни, В. М. Жирмунского, Ю. М. Скребнева, И. Р. Гальперина и других. Понятие

«эпитет», по словам В. М. Жирмунского, является неустойчивым, в связи с чем невозможно дать однозначное определение описываемого термина [6, 355]. Следовательно, тема до сих пор представляет теоретический и практический интерес из-за отсутствия единой системы понятий, необходимой для их характеристики и классификации.

Б. В. Томашевский и Г. Н. Пospelов придерживались мнения, что эпитеты – это слова признаковой семантики. Н. В. Ведерников рассматривает эпитет только как переносное метафорически употребленное прилагательное. Наиболее последовательную теорию эпитета сформулировал А. Н. Веселовский в «Исторической поэтике» [2, 273]. Он полагал, что эпитет используется автором не только для подчеркивания конкретного признака [2, 321]. Мнения ученых разделились и в вопросе о принадлежности эпитета к тропам. Ю. М. Скребнев называет эпитетом «слово или словосочетание, содержащее экспрессивную характеристику предмета речи, прилагаемую к наименованию последнего» [9, 13]. А. А. Потебня утверждает, что эпитет – форма общая по отношению к другим тропам, а значит, фигура, а не троп. Зарубежные лингвисты также дают свою трактовку. Д. Кристал определяет эпитет как слово или фразу, характеризующую существительное и регулярно с ним ассоциирующуюся. В нашем исследовании мы придерживаемся определения И. Р. Гальперина, который характеризует эпитет как средство выражения, основанное на добавлении качества, признака описываемого явления, которое формируется в виде атрибутивных слов или словосочетаний, определяя данное явление с точки зрения индивидуального восприятия. Эпитет всегда субъективен, он всегда имеет эмоциональный смысл или эмоциональную окраску [3, 157].

Мы придерживаемся классификации И. Р. Гальперина, основанной на трех главных принципах. Первый принцип – закреплённости / незакреплённости – разделяет эпитеты на языковые и речевые [3, 162]. Второй принцип – морфолого-синтаксического выражения – содержит структурные типы эпитетов. Третий принцип – семантический.

В основе нашего исследования лежат три главные функции: экспрессивная (способность выражать эмоциональное состояние говорящего, его субъективное отношение), характеризующая (описание конкретного предмета без оценочных суждений автора) и оценочная (выражение отношения автора к объекту).

Роман Себастьяна Фолкса «Неделя в декабре» представляет широкую панораму современной жизни Лондона, протекающую в рамках одной декабрьской недели и увиденную десятью разными персонажами, чьи пути переплетаются весьма интересным образом.

Роман начинается с описания лондонского утра. Автор начинает повествование с эпитетов, которые можно разделить на описывающие место, время и людей. В соответствии с классификацией И. Р. Гальперина по принципу закреплённости / незакреплённости, «largest urban shopping centre», «sand-covered site», «red cranes», «grey high-rises», «solitary woman» являются языковыми эпитетами, так как основаны на устоявшихся в языке сочетаниях и не отличаются особой оригинальностью. «Peppermint facade» является речевым эпитетом, так как он неожиданный, оригинальный и создает яркий образ. «satellite dishes, like ears cupped to the outside world» является развернутым метафорическим сравнением, которое также можно отнести к речевым эпитетам [10, 1]. С точки зрения структуры для эпитета «largest urban shopping centre» характерна модель adjective plus noun, где прилагательное употреблено в превосходной степени. К этой же модели относятся «peppermint facade», «red cranes», «grey high-rises», «solitary woman». Модель participle plus noun характерна для «sand-covered site» (причастие в прошедшем времени) и «overflowing cemetery» (причастие в настоящем времени). По принципу семантики ассоциативные эпитеты: «peppermint facade» (создает неожиданную ассоциацию между фасадом здания и мятой), «satellite dishes, like ears cupped to the outside world» (создает яркий образ тарелок как ушей), «overflowing cemetery» (создает образ тесноты, перенаселенности). Неассоциативные: «largest urban shopping centre» (относится к гиперболическому виду), «sand-covered site», «red cranes», «grey high-rises», «solitary woman». Данные эпитеты выполняют экспрессивную и характеризующую функции.

Ванесса – один из наиболее интригующих и противоречивых персонажей. Ее портрет создается посредством эпитетов «elegant», «intelligent», «expensive», «melancholy», «anxious». Эти эпитеты относятся к языковым. «Brittle beauty» является речевым, так как создает неожиданное сочетание понятий «хрупкость» и «красота». «Restless spirit» также речевой, подчеркивает внутреннюю борьбу [10, 3]. Большинство эпитетов относится к модели adjective plus noun. Ассоциативные: «brittle beauty» и «restless spirit». Неассоциативные: все остальные. Образ также дополняется эпитетами «unconvinced look» (речевой,

ассоциативный) и «three-line whip» (речевой, модель noun plus noun, создает яркую ассоциацию с властью, контролем). Функции: экспрессивная, характеризующая, оценочная.

Финбар Вилс – сын Джона Вилса, подросток шестнадцати лет. Его описание строится вокруг любви к «травке»: «ravening, post-skunk hunger» – хищный, постнаркотический голод. Эпитет речевой, модель adjective plus noun, ассоциативный [10, 18]. «Seraphic look» – ангельский лик как проявление кайфа. Модель adjective plus noun, ассоциативный [10, 20]. «Isolated young man» – языковой, ассоциативный. Встречаются все виды функций.

Габриэль Нортвуд – молодой барристер, живущий воспоминаниями об утраченной любви. Через описание голоса как «low, cultured voice» складывается впечатление тихого, спокойного, интеллигентного человека. «Candid, slightly anxious look» – живой человек, искренний, сочувствующий. «smiled at her encouragingly»: наречие «encouragingly» вызывает ассоциации с поддержкой. «amused reproof» – ассоциативный, создает противоречивую ироничную окраску. «Inequal passion» – речевой, модель «adjective plus noun», ассоциативный [10, 35]. Эпитеты выполняют три важнейшие функции.

Хассан – студент, попавший под влияние фанатиков. Для его описания С. Фолкс использует: «Burning Sword» – название бастующей группы. Речевой, модель adjective plus noun, ассоциативный. Эпитеты отражают его представления о кафирах: «blasphemed» (неассоциативный), «unfaithful» (неассоциативный). В отрывке про взгляд на женщину используется эпитет «deeply etched» (модель наречие + причастие, ассоциативный) [10, 29]. Все функции прослеживаются.

Помимо создания характеров, в произведении прослеживается проблема моральной деградации современной молодежи. Для понимания этой проблемы автор использует эпитеты: «solitary entertainment» (языковой, вызывает ассоциации с одиночеством), «drying mouth» (языковой, вызывает неприятные ассоциации), «nervous quickening» (языковой, вызывает ассоциации с тревогой) [8, 20]. Автор также разоблачает семейную обстановку: «Talking to them was an ordeal» – «an ordeal» является речевым эпитетом, вызывает ассоциации с чем-то тяжелым, выматывающим [10, 21].

Проведенное исследование показывает, что по первому принципу лидирующую позицию занимают языковые эпитеты (31 единица), количество речевых также достаточно большое (28 единиц). Наиболее частотной моделью является «adjective plus noun»

(27 единиц), модель «participle plus noun» (4). По принципу семантики популярными являются неассоциативные эпитеты (30), ассоциативные (22 единицы). Экспрессивная, характеризующая и оценочная функции встречались у всех эпитетов, тесно переплетаясь друг с другом. Система эпитетов строится на реалистичности и сатире: С. Фолкс использует простые, «говорящие» эпитеты, чтобы подчеркнуть реалистичность происходящего, применяя эпитеты, которые подчеркивают социальную критику.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. – М. : Флинта, 2012. – 384 с.
2. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский – М. : Пальмира, 2017. – 406 с.
3. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : ИЛИЯ, 2013. – 460 с.
4. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : URSS, 2018. – 232 с.
5. Еремина, В. И. Метафорический эпитет / В. И. Еремина. – М. : Академия, 2014. – 167 с.
6. Жирмунский, В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В. М. Жирмунский. – М. : Либроком, 2009. – 464 с.
7. Кузнецов, М. Д. Стилистика английского языка / М. Д. Кузнецов, Ю. М. Скребнев. – СПб. : Питер, 2015. – 360 с.
8. Орлова, С. Л. Словесный комплекс-прототип как источник коннотативности фразеологизмов / С. Л. Орлова, С. В. Скоморохова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2023. – Т. 12. – № 2 (43). – С. 68-73.
9. Скребнев, Ю. М. Основы стилистики английского языка: учебник / Ю. М. Скребнев. – М. : Астрель, 2003. – 225 с.
10. Фолкс, С. А. Неделя в декабре / С. Фолкс. – Лондон : Винтаж, 2010. – 392 с.

Мусафиров М. К.

старший преподаватель, кафедра истории, философии и социально-гуманитарных наук,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия

Вовк И. В.

доцент, кафедра истории, философии и социально-гуманитарных наук,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ ТЫЛОВОГО ОРСКА (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация

Проведенное научное историческое исследование посвящено характеристике управленческих вызовов в деятельности Орского городского Совета депутатов трудящихся и его Исполкома в начальный период Великой Отечественной войны (июнь–

ноябрь 1941 г.). В рамках работы проведен комплексный анализ неопубликованных архивных документов и отечественной научной исторической литературы по исследуемой проблематике.

Ключевые слова: история, история России, Великая Отечественная война, Оренбуржье.

Keywords: the history, the history of Russia, The Great Patriotic War, Orenburg region.

Проводимая в СССР политика форсированной индустриализации способствовала превращению Оренбуржья в аграрно-индустриальный регион. Наличие стратегического сырья, удаленность от границы, развивающаяся транспортная и социальная инфраструктура детерминировали значимую роль Чкаловской области в советской экономической системе и всесоюзном промышленном производстве. Данные обстоятельства стали ключевым при выборе Оренбуржья одним из центров эвакуации в период войны и важной административно-промышленной тыловой территорией широкого развертывания военного производства [3; 4], что в значительной степени определило ключевые управленческие вызовы для местных органов советской власти.

Орск – город Трудовой доблести как один из крупных индустриальных центров области – стал местом эвакуации 28 предприятий и учреждений, а также нескольких десятков тысяч граждан. Именно процесс эвакуации стал одним из ключевых управленческих вызовов в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), при этом имевший мультипликативный эффект [4; 5].

С конца июня 1941 г. в Орск стали прибывать первые эшелоны с промышленными предприятиями, инженерами и рабочими. Размещение предприятий стало настоящим управленческим вызовом для местных органов советской власти. Прибыли 333 вагона металлургического завода им. Петровского (г. Днепропетровск), Металлургический завод (г. Днепродзержинск), Коксовый завод (г. Днепропетровск). В своей совокупности прибыло 736 железнодорожных вагонов трех крупных советских предприятий. 99 из них были перенаправлены в Магнитогорск. 637 вагонов разгружались на Орско-Халиловской индустриальной площадке. Параллельно с разгрузкой шло строительство складов и цехов. Поступившие в сентябре 1941 года из Днепропетровска предприятия уже в октябре дали продукцию на фронт. Из Мончегорска пришло 264 вагона электролитного цеха комбината

«Североникель». Вместе с крупным советским заводом, по утвержденному плану процесса эвакуации, прибыли инженерные и рабочие кадры (около 1500 человек). Данное предприятие было решено разместить на территории комбината «Южуралникель». В ноябре стал прибывать Новокраматорский машиностроительный завод [5, 10–11].

Как отмечают архивные документы, существовала проблема с размещением промышленных мощностей. Так, 3 сентября исполком горсовета рассматривал вопрос о размещении швейной фабрики, эвакуированной из города Днепродзержинска. С учетом дефицита промышленных площадей было решено разместить её в неиспользуемых непосредственно в производстве помещениях Орского спиртоводочного завода, в том числе в подсобных, подвальных помещениях и столовой [1, 30].

За лето 1941 года в Орск эвакуировалось около 13 тысяч человек. Это актуализировало вопрос их размещения. Вопрос решался за счет подселения, размещения эвакуированных в нежилых помещениях, строительства рабочих городков [4; 5]. Для обеспечения питанием жен командного состава, прибывших с пограничной линии, исполком горсовета принимает решение (09.07.1941 г.) организовать его на базе городского ресторана, по первой категории, из расчета 6 рублей дневного рациона (завтрак, обед и ужин). Стали открываться и функционировать эвакуогоспитали [2, 93].

Параллельно с эвакуационным процессом осуществлялась мобилизация, которая также стала важным управленческим вызовом военного времени. Для органов местной советской власти он предполагал срочное решение конкретных задач по снабжению фронта необходимыми ресурсами, трудовой мобилизацией, организацией военных эвакуогоспиталей. С началом войны сформировались социальные вызовы, связанные с обеспечением мер адресной социальной поддержки семей военнослужащих и эвакуированных граждан, а также перехода на карточную систему [4, 188–189].

Приказ Наркомторга СССР № 312 (22.08.1941 г.) установил переход Чкаловской области на карточную систему по отпуску гражданам хлеба, сахара и кондитерских изделий. Орск переводился на данную систему распределения продовольственных товаров с 8 сентября. Переход сопровождался значительными управленческими сложностями. Для решения этого управленческого вызова местный орган советской власти рассматривал

вопросы о расширении мест отпуска хлеба и о недопущении перебоев в снабжении населения города. Непосредственно 8 сентября 1941 года были выявлены и запротоколированы факты продолжения продажи хлеба за деньги, несвоевременного получения гражданами положенных законом карточек (неполучения карточек), перебоев в снабжении и длинных очередей (при физическом наличии в пекарне 2 тонн свежего хлеба). Важнейшей задачей местных органов советской власти стало продуктивное взаимодействие с НКВД по вопросу бесперебойного снабжения населения и повсеместного соблюдения советского законодательства военного времени [1, 16].

Вызовом стал дефицит кадров. Проблема с нехваткой специалистов решалась за счёт привлечения эвакуированных и организации ускоренного обучения лиц из числа семей красноармейцев [3; 5].

На основе анализа источников и научной литературы можно констатировать, что в начальный период Великой Отечественной войны в тыловом Орске сложились устойчивые управленческие вызовы военного времени, среди которых следует выделить: обеспечение приема эвакуированных предприятий, организацию их размещения; мобилизацию; организацию социальной поддержки семей фронтовиков и эвакуированных; переход на карточную (номерованную) систему распределения и преодоление дефицита кадров.

Список литературы

1. ОФ ОГАОО, Ф. р-1, оп. 1, д. 136.
2. ОФ ОГАОО, Ф. р-1, оп. 1, д. 138.
3. Митрофанова, А. В. Урал – фронту : монография / А. В. Митрофанова. – М. : Экономика. – 1985. – 350 с.
4. Мусафиров, М. К. Вопросы организации и функционирования органов местной советской власти в период Великой Отечественной войны (на материалах Чкаловской области) / М. К. Мусафиров // Россия в войнах: к 80-летию победы в Великой Отечественной войне. – Sterlitaмак : Уфимский университет науки и технологий, 2025. – С. 184–191.
5. Футорянский, Л. И. «Оренбуржье – Великой Победе» : монография / Л. И. Футорянский. – Оренбург : Оренбургского государственного педагогического института, 1994. – 56 с.

Мусафиров М. К.

старший преподаватель, кафедра истории, философии и социально-гуманитарных наук,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия

Шебалин И. А.

доцент, кафедра истории, философии и социально-гуманитарных наук,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОТРАЖЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация

В научном историческом исследовании сделана попытка характеристики современных подходов к феномену и понятию Великая российская революция (1917 г.). Представлены основные темы дискуссий и позиции исторического сообщества о сущности и причинах рассматриваемой революции. В рамках работы были всесторонне изучены работы отечественных ученых по проблеме Великой российской революции и процессу модернизации России.

Ключевые слова: история, история России, Великая российская революция, история исторической науки.

Keywords: history, history of Russia, the Great Russian Revolution, history of historical science.

В современной российской историографии принято рассматривать исторические явления и события с 23 февраля 1917 г. по 30 декабря 1922 г. как единый процесс Великой российской революции, который включил в себя такие значимые для отечественной истории события, как революция февраля 1917 года; двоевластие; октябрьский переворот, именуемый в советской историографии как «Великая Октябрьская социалистическая революция»; гражданская война; иностранная интервенция; образование советского государства [1; 8].

Применение самого термина «Великая российская революция», связано с историографической традицией рассмотрения событий всеобщей истории, особенно истории Франции. Историки отмечают единую логику французской (1789–1799 гг.) и российской революции (1917–1922 гг.), детерминируя, таким образом, необходимость использования схожих терминологических определений. Данное историографическое понятие также обусловлено попыткой комплексного анализа политических, социально-экономических и культурно-модернизационных процессов в России периода 1917–1922 гг. Понятие «Великая российская революция» фиксирует уход от марксистско–ленинской парадигмы рассмотрения Истории России. Одним из первых в российской исторической науке термин «Великая российская революция» ввел В. П. Дмитриенко, сделав попытку комплексного

рассмотрения событий второй половины десятых – первой половины двадцатых годов XX века в России. Уже к концу 90-х новое историографическое понятие стало вводиться в учебники и учебно-методические пособия в отечественных университетах, а в десятые годы XXI века – в школьную программу [7; 8; 9].

Изучение событий и явлений Великой российской революции (1917–1922 гг.) сформировало в современной отечественной исторической науке несколько концептуальных противоречий в характеристике развития дореволюционной России. На основе проведенного нами анализа научных работ по рассматриваемому историческому периоду можно определить противоречия в характеристике политического и социально-экономического положения Российской империи в преддверии революции, которые детерминировали два основных подхода: 1) в дореволюционной России к началу революции сложился глубокий кризис имперской системы; 2) Российская империя успешно развивалась и находилась на пути модернизации, кризис был вызван революцией. Представленные нами подходы различно детерминируют вопрос о неизбежности революции, а также определении наиболее значимых её причин [9; 11].

Так, профессор В. В. Козловский рассматривает революцию как цивилизационный срыв, который полностью и безвозвратно уничтожил существующую общественную структуру [2]. А. И. Колганов отмечает, что революция стала следствием того, что Россия, вставшая на путь индустриального развития, не смогла решить актуальные социально-экономические вызовы, особенно в сельском хозяйстве (аграрно-крестьянский вопрос). При этом он отмечал, что Первая мировая война сорвала революционную волну, отодвинув революцию на несколько лет [3]. Б. Н. Миронов в своих работах отметил, что проходивший в Российской империи процесс модернизации, сопровождавшийся урбанизацией и индустриализацией, вызвал существенный сдвиг в социальной структуре общества. Общество оказалось не готово к новым социально-экономическим реалиям и не справилось с индустриальным транзитом, что было характерно и для других государств второй волны индустриализации. К ключевым причинам Великой российской революции (1917–1922 гг.) он относит травму социальных изменений, социальную депривацию, фрустрацию горожан первого поколения, неудачи на фронте Первой мировой войны и конфликт элит [4].

Можно говорить об относительном консенсусе в вопросе формирования предпосылок к Великой российской революции (1917–1922 гг.), которые связывают с началом Великих реформ Александра II [4; 5; 6].

На основе анализа отечественной историографии можно выделить несколько основополагающих причин революции, среди которых следует выделить: недовольство политикой императора Николая II; падение авторитета монархии и правящего дома; незавершенность Столыпинской аграрной реформы; обострение межсословных противоречий, в том числе формирование устойчивых социальных конфликтов внутри сословий империи (крестьянство, казачество); усталость от войны, которая, как и в советской историографии, рассматривается главным катализатором общественного недовольства и революционных настроений в обществе; активность революционеров и поддержка их идей народными массами империи [4; 6; 10].

Дискуссионными в рамках понимания феномена «Великой российской революции» (1917–1922 гг.) среди профессионального исторического сообщества являются вопросы: о стихийности революционных событий февраля 1917 года; о причинах победы большевиков в Гражданской войне; о связи лидеров революции с иностранными правительствами; о роли НЭПа в завершении революции и историческом значении революции.

На основе проведенного нами анализа историографии можно констатировать, что уход от марксистско-ленинской парадигмы рассмотрения истории в 90-е годы XX века детерминировал появление новых подходов к изучению исторических процессов и явлений, а также изменение ключевых понятий и периодизации. Именно в этот период формируется понятие «Великая российская революция», которое нашло значительную поддержку в профессиональном историческом сообществе и было повсеместно включено в образовательные программы. Новое понятие должно было обобщить совокупность важных событий 1917–1922 годов на основе определения единой логики явлений Великой французской революции и периода второй половины десятилетия – первой половины двадцатых годов XX века в России. Однако принятие данного понятия большей частью исторического сообщества не освободило профессиональное сообщество от дискуссионности подходов к причинам и сущности революции. Сегодня в отечественной историографии дискуссионными являются вопросы, связанные с определением стихийности революции, значения революции, характеристики её лидеров и проводимой ими политики. В наше время в отечественной историографии можно говорить о формировании устойчивой тенденции к пониманию многофакторности причин Великой российской революции (1917–1922 гг.) и плюрализма в оценках этого важнейшего исторического феномена.

Список литературы

1. Гринев, А. В. Концепт Великой российской революции как очередной идеологический миф / А. В. Гринев // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра : сборник научной конференции. – СПб., 2020. – С. 115–122.
2. Козловский, В. В. Социальные ценности: анализ оснований русской модернизации : дис. ... док. философ. наук : 09.00.11 / В. В. Козловский. – СПб., 1995. – Санкт-Петербург, 1995. – 282 с.
3. Колганов, А. И. Октябрьская революция: ожидаемая неудача или неожиданный успех? / А. И. Колганов // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2017. – Т. 204, № 2. – С. 273–279.
4. Миронов, Б. Н. Российская модернизация и революция : монография / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2019. – 527 с.
5. Мусафиров, М. К. Первая русская революция в Оренбургской губернии (1905–1907) / М. К. Мусафиров // Актуальные проблемы региональной истории [Электронный ресурс] : материалы III Всероссийской конференции. – Ижевск : Удмуртский университет, 2022. – С. 217–222.
6. Мусафиров, М. К. Исторический анализ проблемы решения аграрно-крестьянского вопроса в Российской Империи на материалах Оренбургской губернии / М. К. Мусафиров, И. А. Шебалин, И. В. Вовк // Исторический бюллетень. – 2024. – Т. №7. – № 2. – С. 145–150. – DOI : 10.58224/2658-5685-2024-7-2-145-150.
7. Поляков, Ю. А. Человек в повседневности / Ю. А. Поляков // Вопросы истории. – 2000. – № 3. – С. 125–127.
8. Соколова, А. А. Великая российская революция 1917 года: новые подходы в историографии / А. А. Соколова // Вестник НАСА. – 2022. – №1. – С. 99–105.
9. Торкунов, А. В. Изучая Великую русскую революцию / А. В. Торкунов // Вестник МГИМО. – 2017. – № 3. – С. 7–15.
10. Шанин, Т. Революция как момент истины : монография / Т. Шанин. – М. : Весь мир, 1997. – 554 с.
11. Шубин, А. В. Великая российская революция. 10 вопросов : монография / А. В. Шубин. – М., 2017. – 46 с.

Мусафиров М. К.

старший преподаватель, кафедра истории, философии и социально-гуманитарных наук,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия

КРЕСТЬЯНСТВО ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Аннотация

Научная статья посвящена вопросу характеристики жизни крестьян пореформенной России в контексте дореволюционной исторической повседневности и происходящего индустриального транзита. В рамках исследования проанализированы существующие подходы к определению основных процессов развития общества, сложившейся социальной динамики в контексте модернизации российского общества второй половины XIX века.

Ключевые слова: история, история России, модернизация

Keywords: the history, the history of Russia, modernization

В современной историографии хронологические рамки пореформенного периода истории России включают в себя события и процессы с отмены крепостного права (1861 г.) до Первой русской революции (1905–1907 гг.). Отмена крепостного права стала одним из ключевых факторов ускорения процесса модернизации России [2; 8]. Анализ исторической эпохи предполагает системное рассмотрение не только ключевых общественно-политических, социально-экономических процессов, но и анализ исторической повседневности, среди которых значимое место занимают вопросы воспитания, социальной мобильности, развития человеческого капитала. Обращение внимания на крестьянство до-революционной России детерминировано подавляющим большинством этого сословия. Современные историки в своих исследованиях отмечают, что к началу Великих реформ Александра II количество крестьян в Российской империи, по отношению к другим сословиям, составляло около 82 %, а к завершению данной эпохи около 77 % [7; 8].

Характеристику следует начинать с социально-экономического положения. Реформа обеспечила крестьян гражданскими правами и землёй, однако полученной земли не хватало, и с каждым десятилетием ситуация постепенно ухудшалась, приводя к малоземелью. Многие крестьяне были вынуждены прибегать к аренде земель. Для данного сословия было характерно и постепенное имущественное расслоение. В отечественной исторической науке определяется, что только 3 % крестьян относились к категории кулаков, или обеспеченных, богатых крестьян; порядка 15 % – это крестьяне, занимающие промежуточное положение между середняками и богатыми крестьянами; около половины – крестьяне середняки, и немногим меньше четверти – крестьяне-бедняки. Важной особенностью их повседневности являлась круговая порука. Несмотря на политику по постепенному сокращению её влияния на крестьянство, они так и не стали собственниками своей земли, в современном понимании этого понятия. Долгое время они находились в состоянии «временно-обязанных», вплоть до Первой русской революции (1905–1907 гг.) они выплачивали выкупные платежи. Все это приводило к доминированию полунатурального хозяйства [2; 4; 6]. Недовольство крестьян своим положением приводило к снижению процесса урбанизации и формированию готовности к проявлению массового недовольства [1; 3; 8].

На наш взгляд, интерес для исследуемой нами проблематики представляют источники по деятельности Всероссийского крестьянского союза как массового крестьянского движения Первой русской революции (1905–1907 гг.). Так, в Оренбуржье члены этого союза требовали, чтобы земля принадлежала непосредственно крестьянству, была осуществлена конфискация помещичьих земель, были отменены все существующие платежи, было введено всеобщее народное образование за счёт казны, был запрещен наёмный труд на земле. Важно отметить имевшую место тенденцию к противоречивому сочетанию коллективизма и индивидуализма, недоверия к представителям других сословий, а также формирование устойчивого интереса к политической жизни [4; 5].

Великие реформы Александра II стали толчком к развитию массового народного образования. В 1864 г. было принято «Положение о начальных народных училищах». Оно способствовало развитию светского образования, существовавшего параллельно с религиозным. Предполагалось открытие начальных школ за счёт средств земств. Сельская община должна была обеспечить помещение для занятий и размещение учителей. Земские школы постепенно становились самым распространённым типом образовательных организаций. Обучение в земской школе в основном составляло три года. Уже в начале XX века стали появляться школы с четырехлетним сроком обучения. Обучение проходили дети от 8 до 12 лет. Широкое распространение имели церковноприходские школы. Обучение в них могли проходить дети от 7 до 12 лет, срок обучения составлял один год. Изучались основы христианского учения (Закон Божий), чтение по часослову и псалтырю, чистописание. При этом важно подчеркнуть, что всеобщее начальное образование в России было введено только в 1908 году. Оно стало инициативой П. А. Столыпина, который стремился к достижению всеобщей грамотности подданных Российской империи. Сам Петр Аркадьевич непосредственно связывал экономическое и социальное развитие империи с уровнем образования [2; 8].

Важной характеристикой эпохи стало противоречие в крестьянской среде, связанное с оценкой значения института образования. Несмотря на то, что в данный исторический период происходит постепенное осознание важности образования, в том числе как существенной составляющей адаптации к социально-экономическим реалиям, значи-

тельная часть крестьянства стремилась избежать школьного образования для своих детей, не воспринимая его как ценность и необходимость. Оно чаще всего заменялось ремесленным обучением. Большое значение имела и финансовая возможность. Многодетность крестьянских семей предполагала большие затраты на обучение для всех детей. Существовал и стереотип о том, что учеба – дело «праздное».

Можно говорить о низком уровне грамотности среди крестьянства данного периода, несмотря на предпринимаемые меры по повышению грамотности. Первая перепись населения (1897 г.) дает нам возможность определить уровень грамотности крестьянского населения, который составлял около 17 %. При этом грамотность среди женщин была менее 10 % (около 9 %) [3; 8]. Важно отметить, что под уровнем грамотности, в данном контексте, следует понимать в первую очередь умение читать и владение основами письма.

Невысокий уровень образования тормозил индустриальный транзит, создавал условия для революционной ситуации. Фрустрация и неготовность к переходу на новый общественно-политический и социально-экономический этап (индустриальному) развития общества, в том числе обусловленная уровнем образования, стали причиной цивилизационного срыва – Великой российской революции (1917–1922 гг.).

Список литературы

1. Алимова, Л. Б. Власть и народная культура: художественные промыслы Урала в системе государственного регулирования экономики в XVIII – начале XX веков / Л. Б. Алимова. – Орск: Изд-во ОГТИ, 2003. – 65 с.
2. Алимова, Л. Б. История художественных промыслов Урала XVIII – начала XX веков / Л. Б. Алимова. – Орск: Издательство Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Оренбургский государственный университет", 2003. – 128 с.
3. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования : монография / Д. Белл. – М. : Academia, 2004. – 783 с.
4. Галиева, Е. Б. Земельная политика правительства во второй половине XIX – начале XX веков и ее осуществление на Южном Урале : автореф. дис.... канд. истор. наук: 07.00.02. / Е. Б. Галиева. – Оренбург, 2006. – 21 с.
5. Миронов, Б. Н. Российская модернизация и революция : монография / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2019. – 527 с.
6. Мусафинов, М. К. Исторический анализ проблемы решения аграрно-крестьянского вопроса в Российской Империи на материалах Оренбургской губернии / М. К. Мусафинов, И. А. Шебалин, И. В. Вовк // Исторический бюллетень. – 2024. – Т. №7. – № 2. – С. 145–150. – DOI : 10.58224/2658-5685-2024-7-2-145-150.

7. Мусафиров, М. К. Первая русская революция в Оренбургской губернии (1905–1907) / М. К. Мусафиров // Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей: сборник статей международной научно-практической конференции. – Ижевск: Удмуртский Университет, 2022. – С. 217–222.
8. Тоффлер, Э. Третья волна : монография / Т. Тоффлер. – М. : АСТ, 2025. – 795 с.
9. Христофоров, И. А. Правительственная политика и «крестьянский вопрос» до и после отмены крепостного права: 1830-е – начало 1890-х гг. : автореф. дис.... док. истор. наук / И. А. Христофоров. – М., 2013. – 51 с.
10. Шанин, Т. Революция как момент истины : монография / Т. Шанин. – М. : Весь Мир, 1997. – 560 с.

Надточиева Е. И.

Студентка, филологический факультет,
Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Россия
Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент Л. Б. Алимова

ПИСАТЕЛЬ И ВЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ XIX ВЕКА

Аннотация

Статья посвящена исследованию взаимоотношений выдающихся русских поэтов и писателей с властью в условиях формирования государственной цензурной политики, а также характера влияния цензуры на литературный процесс в 1804–1881 годах. Рассматриваются особенности цензурного законодательства, его изменчивость и воздействие на литературный процесс.

Ключевые слова: цензура, писатель, власть.

Keywords: censorship, writer, power.

XIX век можно охарактеризовать такими понятиями, как институционализация и профессионализация литературы. Творчество писателей и поэтов начинает считаться в обществе профессией (конечно, не совсем престижной) и приносить доход. Рассматриваемая нами эпоха стала временем не только развития русской литературы, но и одновременно формирования государственной системы цензуры. XIX столетие в целом, стало временем становления российского законодательства на государственном уровне и на уровне отдельных отраслей и видов по сферам регулирования. Среди совершенно новых феноменов в области правового регулирования культуры и искусства были, например, законы о роскоши [1], о художественных производствах [2, 41-84], а также цензурное законодательство.

Власть рассматривала печать как средство воздействия на общественное мнение, поэтому контроль постепенно усиливался, но при этом именно в XIX веке были созданы

произведения золотого фонда отечественной культуры. В этом столетии мы видим три периода формирования цензурных требований и правил. В правление Александра I цензура закрепились как институт, в эпоху Николая I она достигла апогея жестокости, а при Александре II вновь добилась либерализации, хотя и частичной. По существу, это – три этапа последовательного формирования цензурной политики в XIX веке и ключевых институциональных преобразований в цензуре от первого цензурного устава 1804 года, «чугунного» устава 1826 года и его редакции 1828 года, а также Временных правил о печати 1865 года.

Эволюция цензурного законодательства носила волнообразный характер, отражая смену внутривполитических курсов. Цензурная политика Российской империи в указанный период прошла три качественно различных этапа. Либеральный цензурный устав 1804 года, ставивший целью «истинное просвещение умов» [3, 439] достаточно быстро сменился консервативным курсом, особенно усилившимся в поздние годы правления Александра I под влиянием А. Н. Голицына. Голицын писал: «... по долгу звания моего, обязываюсь я употребить все зависящие от меня меры к недопущению ... никаких мыслей и правил, не терпимых ныне правительством» [9, 301]. Апогея государственного контроля достиг в николаевскую эпоху, когда принятие «чугунного» устава 1826 года и деятельность Бутурлинского комитета в период «мрачного семилетия» (1848–1855) привели к фактическому подавлению общественной мысли. Формируется представление о писателе как общественном деятеле: известная концепция «поэт-пророк» в лирике А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли, // Исполни волею моею, // И, обходя моря и земли, // Глаголом жги сердца людей» [3, 211]. Император в это время отдал распоряжение министру Народного просвещения Сергею Семёновичу Уварову, в котором говорил о работе редакторов: «...за всякое дурное направление статей из журналов, хотя бы оно выражалось косвенными намёками, они лично подвергнутся строгой ответственности независимо от ответственности цензуры» [3, 198].

Цензурный террор привёл к развращённости, упадку нравов и дисциплины в обществе. В 1860 годы русский писатель и издатель, цензор Владимир Фёдорович Одоевский подготовил записку о цензуре, в которой говорится, что «...цензор, который, читая книгу, спросит самого себя по совести: противно ли прочтенное им сочинение одному из сих четырех пунктов: вере, престолу, нравственности или личной чести и по совести же

даст себе отрицательный ответ, такой цензор, как равно и сочинитель, правы перед Богом, Царем и Отечеством...» [7, 19]. Эпоха Великих реформ Александра II ознаменовалась частичной либерализацией: «Временные правила о цензуре и печати» 1865 года ввели элементы карательной цензуры и освободили от предварительного просмотра ряд столичных изданий, однако принципиального отказа от контроля над содержанием литературы не произошло.

На протяжении всего XIX века цензура оставалась не просто правовым институтом, но и активным участником литературного процесса. Менялись лишь методы надзора: от прямых запретов и личных конфликтов с цензорами в начале века власть перешла к созданию сложной бюрократической машины, призванной регулировать идейное содержание литературы. Именно в этих жестких рамках и формировалось творчество ведущих русских писателей.

Трансформация модели взаимоотношений «писатель – власть». Модель взаимодействия динамична, она эволюционировала на протяжении столетия. В начале века (на примере Пушкина и цензора А. С. Бирукова) конфликт носил более личностный и открытый характер. Поэт мог позволить себе сатирическое «Послание цензору», взывая к разуму власти и ожидая «просвещённого» контроля. Два стихотворения А. С. Пушкина «Послания цензору» 1822 и 1824 годов служат прямым доказательством взаимодействия творца и власти и позволяют рассмотреть конкретные проявления цензурного давления и его отражения в произведениях поэта. «Послание цензору» 1822 года. Стихотворение начинается с сатирического обращения: *«Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой, // Сегодня рассуждать задумал я с тобой»* [6, 267]. А. С. Пушкин выражает недовольство деятельностью цензоров с помощью сатиры, он иронизирует и говорит, что не желает цензуру *«поносить хулой неосторожной»*. Но при этом, поэт понимает, что полная отмена цензуры приведет русскую общественность к краху и считает: *«...Что нужно Лондону, то рано для Москвы...»*. Пушкинская модель строилась на апелляции к закону и надежде на диалог с властью в лице конкретного чиновника. Во второй половине XIX века, в условиях тотальной бюрократизации надзора и ужесточения карательных мер, прямые формы протеста стали невозможны. М. Е. Салтыков-Щедрин продемонстрировал прин-

ципиально иную тактику сопротивления – использование эзопова языка, гротеска и иносказания [8]. Личный опыт вятской ссылки и постоянное давление цензурного ведомства вынудили писателя выработать сложную систему аллегорий, позволившую создать острейшую социальную сатиру («История одного города», «Сказки») в обход цензурных рогаков. Если Пушкин боролся с цензором, то Салтыков-Щедрин боролся с самой системой, обходя её на уровне художественной формы.

Двойственный характер влияния цензуры на литературное творчество.

Оценка воздействия цензуры на литературный процесс показала его амбивалентность. С одной стороны, предварительная цензура и страх перед карательными мерами вынуждали писателей прибегать к самоцензуре и аллюзиям, что, по признанию многих современников (Е. М. Феокистов, В. С. Аксакова), вело к временному застою и «деморализации мыслящей части общества». С другой стороны, именно необходимость преодоления цензурных барьеров парадоксальным образом стимулировала развитие литературного мастерства. Условия несвободы способствовали углублению художественного подтекста, оттачиванию сатирических приёмов и появлению особого типа писателя, осознающего общественную значимость каждого печатного слова. Профессионализация литературного труда, зафиксированная в стихотворении Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом», и формирование «эзопова языка» Салтыкова-Щедрина – явления одного порядка, рождённые необходимостью существовать и высказываться в условиях постоянного давления надзорных органов.

Литература как арена негласного диалога с властью. Отношение писателей к цензуре на протяжении столетия демонстрирует эволюцию от надежд на просвещённого цензора (ранний Пушкин) к открытому протесту и стоическому смирению (стихотворение К. С. Аксакова «Свободное слово» в 1854 году) и, наконец, к выработке сложных форм иносказательной сатиры (Салтыков-Щедрин). Конфликт между творческой свободой и государственной регламентацией стал одной из констант русской литературной жизни XIX века, предопределив во многом высокий гражданский пафос русской классической литературы.

Цензурная политика 1804–1881 годов оказала системообразующее влияние на развитие отечественного литературного процесса. Она не только ограничивала тематический и идейный диапазон произведений, но и парадоксальным образом способствовала росту

писательского самосознания и совершенствованию художественных средств выражения, превращая литературу в арену непрекращающегося негласного диалога с властью.

Список литературы

1. Алимova, Л. Б. Законы о роскоши в императорской России / Л. Б. Алимova. – Орск: Изд-во Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Оренбургский государственный университет», 2016. – 196 с.
2. Алимova, Л. Б. Шпалерные мануфактуры в России в XVIII – второй трети XIX в. / Л. Б. Алимova. – Изд-во Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Оренбургский государственный университет», 2017. – С. 41-84.
3. Лемке, М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия / М. К. Лемке. – СПб.: Труд, 1904. – С. 198.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I, 1830. – Т. 28. – С. 439.
5. Пушкин, А. С. Собрание сочинений в 10 т. / А. С. Пушкин. – М.: ГИХЛ, 1956–1962. – С. 211.
6. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. / А. С. Пушкин. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – Т. 2, кн. 1. – С. 267.
7. Одоевский, В. Ф. Записка о цензуре / В. Ф. Одоевский. – Русский архив. – 1874. – Кн. 2. – № 7. – С. 19.
8. Орлова, С. Л. Словесный комплекс-прототип как источник коннотативности фразеологизмов / С. Л. Орлова, С. В. Скоморохова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2023. – Т. 12. – № 2 (43). – С. 68-73
9. Шильдер, Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование / Н. К. Шильдер. – СПб.: А.С. Суворин, 1905. – Т. 4. – С. 301.

Сенаторова А. В.

студентка, кафедра иностранных языков,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия
Научный руководитель: канд. филол. наук, доцент Д. С. Лапенков

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ЗАГОЛОВКАХ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Аннотация

Статья посвящена изучению феномена языковой игры, а также анализу его использования в заголовках современной англоязычной прессы. Исследованы виды и особенности языковой игры, проанализировано 100 иностранных заголовков из популярных английских и американских СМИ за 2025 год. Проведен подробный анализ социальной обусловленности (гендерный анализ) использования тех или иных видов языковой игры.

Ключевые слова: языковая игра, пресса, анализ

Keywords: word play, mass media, analysis

Изучение феномена языковой игры всегда представляло интерес для отечественных и зарубежных исследователей. На сегодняшний день языковая игра перестала быть маргинальным приемом, она становится почти самым главным способом смыслопорождения, стандартом коммуникации, а зачастую является и маркером медийной принадлежности издания. Данное исследование направлено на подробное и комплексное изучение использования языковой игры в заголовках англоязычных СМИ, также включая лингвистический, гендерный анализ и цели использования языковой игры (прагматические функции).

Сам по себе термин «языковая игра» впервые ввел в научный обиход австрийский философ Людвиг Витгенштейн. В своей работе «Философские исследования (1953)» автор вводит этот термин для описания языка как системы конвенциональных правил, соблюдаемых в процессе коммуникации [1]. По его мнению, язык никогда не существует вне среды, в которую он вписан, и изучать его как отдельное явление не представляется верным, ведь любое слово приобретает значение только в рамках конкретного контекста – «игры». Для дальнейшего анализа необходимо это учитывать.

В отечественной литературе исследовательницы Е. А. Земская, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова определяют языковую игру как явление, когда говорящий «играет с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание» [2, 172–214]. Авторы рассматривают данный феномен как реализацию поэтической функции языка, что вынесло понимание языковой игры за пределы художественного текста.

Более точную и емкую формулировку данного феномена выносит Т. А. Гридина в своей работе «Языковая игра: стереотип и творчество», где она пишет, что языковая игра – это «особая форма лингвокреативного мышления, основанного на ассоциативных механизмах актуализации и преднамеренного переключения стереотипов восприятия, порождения и употребления вербальных знаков» [3, 12]. Существенный вклад в развитие теории внёс британский лингвист Дэвид Кристал, который в работе «Language Play» (1998) утверждает, что языковая игра «пронизывает региональные, социальные и профессиональные границы, возраст, пол, этническую принадлежность, тип личности, интеллект и культуру» [4, 7]. Кристал выделяет три категории носителей языковой игры: «любители» (широкая публика), «энтузиасты» (поклонники кроссвордов) и «профессионалы» – авторы рекламных текстов, создатели заголовков, комики и писатели.

Базой для нашего исследования послужили также работы других научных деятелей таких, как Александрова Е. М. [5], Торопова О. В. [6], Выровцева Е. В. и Щеглова Е. А. [7]. В данном исследовании мы берем за основу определение языковой игры как *осознанного, намеренного отступления от языковой нормы, предпринимаемого с определённой прагматической установкой и реализуемого на всех уровнях языковой системы*.

Базой для исследования стали 100 заголовков, отобранных методом сплошной выборки из качественных англоязычных изданий (The Guardian, The New York Times, Financial Times, The Economist) за 2025 год. В выборку вошли так же и источники таблоидной прессы (The Sun, Daily Mail, New York Post). Такой подход позволил выявить как универсальные закономерности, так и жанрово-стилистические особенности использования языковой игры.

Методология исследования заключалась в проведении сплошной выборки заголовков на предмет использования того или иного вида языковой игры, последующем лингвистическом анализе каждого заголовка с выявлением использованного приема, классификации по уровням языка, типу приемов и прагматическим функциям, а также гендерном анализе использования определенных приемов языковой игры.

Результаты исследования

Классификация по уровням языка

Анализ 100 заголовков позволил выявить следующее распределение по уровням языковой системы:

Графический уровень реализации языковой игры оказался одним из самых часто используемых. Авторы статей зачастую прибегают к данному приему, чтобы моментально визуально зацепить внимание читателя, таким образом широко реализуется аттрактивная функция. Языковая игра реализована на графическом уровне в 41 примере. Само по себе реализация данного феномена на графическом уровне представляет собой использование кавычек, дефисов, игры с регистром и нестандартного написания. Однако стоит отметить, что к данному приему чаще прибегают в таблоидной прессе.

Примеры: «khan't believe it» [8], «fin-tastic» [9].

Следующим по популярности является фонетический уровень. Языковая игра, реализуемая здесь, зачастую создает юмористический эффект двойного прочтения, привлекая внимание широкой публики. Сюда входят такие приемы, как паронимазия, омофония, аллитерация. Фонетический уровень представлен 31 примером, где языковая игра реализована на нем.

Примеры: «calamity lammy» [10], «zill spill» [11].

Лексико-семантический уровень представляет собой игру на многозначности, оксюморон, метафоры. Данный уровень проигрывает в достижении аттрактивной функции, не привлекает достаточного внимания, однако зачастую хорошо исполняет функцию компрессии смысла, когда сложное, широкое понятие емко укладывается в одно слово, что позволяет расширить аудиторию читателей.

Примеры: «Bros need some bros» [12]; «cyborg workers» [13].

Словообразовательный уровень (21 пример) демонстрирует активное создание неологизмов. Авторы статей также любят прибегать к данному приему одновременно с целью привлечения внимания к статье и для выполнения функции компрессии смысла. Однако использование данного приема часто наблюдается исключительно в таблоидных изданиях.

Примеры: «super-shed» [14], «downwardley mobile» [15].

Фразеологический и интертекстуальный уровень (24 примера) включает трансформацию устойчивых выражений, фразеологизмов и отсылки к широко популярным культурным явлениям. Данный прием так же пользуется популярностью среди авторов, ведь благодаря его использованию достигается эффект мгновенного узнавания, что вызывает интерес к прочтению статьи.

Примеры: «love ad-tually» [16], «the emperor has no tanks» [17].

Морфолого-синтаксический уровень представлен 19 примерами (структурный параллелизм, контаминация) и не является популярным приемом в использовании. Различная игра со структурой предложения часто остается незамеченной.

Примеры: «showing up not slowing down» [18], «from reddit to running» [19].

Классификация по основным приёмам

Наиболее продуктивным приёмом оказался каламбур (48 примеров), что подтверждает его статус универсального механизма языковой игры. Графическая игра занимает второе место (41 пример). Интертекстуальность и трансформация слогана (24 примера), гипербола и метафора (23 примера) и окказионализм (21 пример) демонстрируют сопоставимые показатели. Стилистический контраст (19 примеров) используется реже, преимущественно в сатирических целях.

Классификация по прагматическим функциям

Основными функциями использования языковой игры являются создание юмора и иронии и компрессия смысла (по 26 примеров).

Аттрактивная функция и создание сенсации (23 примера), образная концептуализация явления (21 пример) занимают значительное место.

Среди всех функций мы выделяем именно аттрактивную, так как каждая функция сама по себе может косвенно служить именно ей.

Гендерный анализ

Количество примеров по гендерному распределению составляет 51 пример с автором-мужчиной и 49 примеров с автором-женщиной. Данная разница не является кардинальной, поэтому мы не можем утверждать, что мужчины или женщины используют языковую игру чаще. Однако данный факт позволяет нам убедиться в том, что языковая игра – универсальный прием.

В использовании каламбура так же проявляется прямое гендерное равенство (50 %/50 %). Однако различие заключается лишь в тематической наполненности. Согласно исследованию, мужчины используют каламбуры больше в спортивных и политических сферах, а женщины в темах шоппинга, красоты и личной жизни.

Окказионализмы часто используются женщинами. Появление новых слов можно часто заметить в темах, посвященных красоте и социальным явлениям, в то время как мужчины прибегают к данному приему в экономической и политической тематике.

Мужчины чаще прибегают к интертекстуальным отсылкам (58 %/42 %). Эти отсылки по большей части направлены на политические или спортивные слоганы. Женщины склонны прибегать к отсылкам на фильмы, сериалы и популярные тренды.

Кроме того, мужчины намного чаще (63 %/37 %) прибегают к смешению разговорной лексики с официальным текстом.

Исходя из результатов данного исследования, мы можем сделать ряд выводов о природе и функциях языковой игры в современной англоязычной публицистике.

Наиболее частотными уровнями являются графический и фонетический уровни. Как уже было сказано, популярность языковой игры именно на этих уровнях вызвана простотой в понимании и юмористическим уклоном. Визуализация языковой игры стала ключевой стратегией привлечения внимания. Нарушение норм языка перестало быть ошибкой, оно является осознанным приемом, реализуемым с определенной целью.

Прослеживая особенности употребления языковой игры в медийных заголовках, мы также можем установить особенности и тенденции современного мира, а именно: борьба за внимание, клиповость, культурная грамотность, ироничная модель восприятия и демократизация языка.

Исходя из гендерного анализа, мы не можем установить, кто использует языковую игру как прием чаще, поскольку данные показывают равномерное распределение без существенной разницы. В содержании же языковой игры наблюдается тематическое различие, когда мужчины и женщины используют те или иные приемы чаще лишь в определенных сферах.

Языковая игра в заголовках современной англоязычной прессы предстаёт как многофункциональный, системно организованный феномен. Наиболее активными стратегиями являются фонетическая и графическая игра, а также каламбур. Языковая игра стала стандартом коммуникации с аудиторией, маркером медийной идентичности издания и важнейшим инструментом осмысления действительности в эпоху информационной перегрузки. Сегодня это универсальный инструмент, набирающий большую популярность.

Список литературы

1. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. – М. : Астрель, 2011. (Оригинал: Wittgenstein L. Philosophical Investigations. – Oxford: Blackwell, 1953.)
2. Земская, Е. А. Языковая игра / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест. – М. : Наука, 1983. – С. 172–214.
3. Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : УрГПУ, 1996.
4. Кристал, Д. Языковая игра / Д. Кристал. – Лондон : Penguin Books, 1998.
5. Александрова, Е. М. Структурные особенности языковой игры / Е. М. Александрова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12 (54). – С. 15–18.

6. Торопова, О. В. Языковая игра как важнейший принцип смыслопорождения на стыке языка и речи / О. В. Торопова // Вестник Московского государственного областного университета. – 2020. – № 2. – С. 45–52.

7. Выровцева, Е. В. Языковая игра в современных СМИ: функции и приёмы / Е. В. Выровцева, Е. А. Щеглова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2018. – № 3 (29). – С. 56–61.

8. https://www.thesun.co.uk/news/37328666/donald-trump-london-stabbed-ass-sadiq-khan?utm_source=sharebar_app&utm_medium=sharebar_app&utm_campaign=sharebar_app_article

9. <https://www.thesun.co.uk/shopping/13087981/gymshark-black-friday/>

10. https://www.thesun.co.uk/news/37231528/david-lammy-migrant-freed-poppy?utm_source=sharebar_app&utm_medium=sharebar_app&utm_campaign=sharebar_app_article

11. https://www.thesun.co.uk/sport/37264504/f1-brazil-grand-prix-track-change-piastr-crash?utm_source=sharebar_app&utm_medium=sharebar_app&utm_campaign=sharebar_app_article

12. <https://www.nytimes.com/2025/11/01/opinion/men-friendship-celebrities.html?smid=nytcore-android-share>

13. <https://mol.im/a/15247533> via <https://dailym.ai/android>

14. <https://mol.im/a/15234609> via <https://dailym.ai/android>

15. https://nypost.com/2025/11/07/opinion/the-downwardly-mobile-who-feel-betrayed-by-middle-class-dreams-flocked-to-mamdani?utm_source=telegram&utm_campaign=android_nyp

16. https://www.thesun.co.uk/tvandshowbiz/37230678/love-actually-christmas-advert?utm_source=sharebar_app&utm_medium=sharebar_app&utm_campaign=sharebar_app_article

17. <https://www.ft.com/content/f450f1e7-4344-4ab0-afd7-d190ffd1e462>

18. <https://mol.im/a/15186749>

19. <https://nypost.com/video/from-reddit-to-runnin-alexis-ohanians-wild-plan-to-make-track-field-the-hottest-show-in-town/>

Симонова Д. А.

студентка, кафедра иностранных языков,

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия

Научный руководитель: канд. филол. наук, доцент О. В. Олейник

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СТРАХ» В РОМАНЕ ОСКАРА УАЙЛЬДА «ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ»

Аннотация

Статья посвящена анализу вербализации концепта «fear» (страх) в романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея». Страх рассматривается как базовая эмоция, определяющая психологическую динамику главного героя и структуру художественного мира произведения. В работе исследуются языковые средства репрезентации

страха: лексические единицы и их синонимический ряд, метафорические модели, фразеологические единицы и синтаксические конструкции. Выявлены основные области-источники метафоризации страха в романе. Анализируется роль концепта «fear» (страх) в формировании эстетической и философской концепции произведения, его связь с центральными мотивами романа: красоты, искусства, греха и возмездия.

Ключевые слова: концепт страха, идиостиль, Оскар Уайльд, эмотивная лексика.

Keywords: concept of fear, idiostyle, Oscar Wilde, emotive vocabulary.

Эмоция страха принадлежит к числу базовых эмоций человека и является универсальным феноменом, находящим отражение во всех лингвокультурах. Концепт «fear» занимает центральное место в английской картине мира, о чём свидетельствует богатство языковых средств его вербализации.

Роман Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1890) – яркий образец английской литературы, воплотивший эстетические и философские установки декаданса. Произведение насыщено психологическими коллизиями, в основе которых лежат различные эмоциональные состояния главного героя, среди которых страх занимает доминирующее положение. Страх Дориана перед старостью и утратой красоты становится отправной точкой его нравственного падения, страх перед разоблачением определяет его поступки, а страх перед возмездием приводит к трагической развязке.

В отечественной лингвистике сложилось несколько подходов к пониманию концепта. Как отмечал Ю. С. Степанов, концепт есть «сгусток культуры в сознании человека», выделяя в нём понятийный, образный и ценностный компоненты [5, 43]. В. И. Карасик, развивая эту мысль, подчеркивал, что эмоциональные концепты обладают ярко выраженной ценностной составляющей – они не просто мыслятся, но и интенсивно переживаются [2, 112]. С. Г. Воркачев акцентировал этнокультурную специфику концепта, его связь с высшими духовными ценностями [1, 89]. Мы также опираемся на полевую модель З. Д. Поповой и И. А. Стернина, согласно которой концепт имеет ядро (наиболее частотные и яркие признаки) и периферию (дополнительные, контекстуальные смыслы) [4, 60].

Эмоциональный концепт «Страх» относится к числу базовых. Как отмечает Н. А. Красавский, несмотря на универсальную биологическую основу, его концептуализация существенно различается в зависимости от лингвокультуры [3, 78]. Синонимический ряд лексических единиц, олицетворяющих страх: fear, terror, horror, dread, panic, fright,

alarm. Каждая из вышеупомянутых ЛЕ обладает характерными семантическими признаками и встречается в различных контекстуальных окружениях.

Согласно проведенному анализу текста произведения на английском языке, в ядро концепта «страх» входят следующие лексические единицы: fear в 43 случаях, afraid – 28, horror – 23, terror – 19, dread – 15. Пик частотности приходится на главы, описывающие убийство Бэзила Холлуорда и последующее моральное разложение героя.

Базовая лексема «fear» используется для обозначения общего состояния страха. Данная единица характеризует длительное эмоциональное состояние Дориана, связанное с осознанием им последствий своих поступков: *«The sense of his own beauty came on him like a revelation. He had never felt it before. Basil Hallward's compliments had seemed to him to be merely the charming exaggerations of friendship... But now he understood it all, and the consciousness of it filled him with a new fear»* (с.16).

Лексема «terror» обозначает более интенсивное состояние страха, связанное с непосредственной угрозой: *«A cry of terror broke from Dorian Gray's lips, and he rushed to the canvas, and examined it»* (с.95). Интересно, что эта единица часто используется в контексте взаимодействия Дориана с портретом, который становится для него источником постоянного ужаса.

«Horror» передаёт не только страх, но и отвращение, которое испытывает герой при виде моральной деградации, отражённой на живописном полотне: *«He felt that the time had really come for making his choice. Or had his choice already been made? Yes, life had decided that for him – life, and his own infinite curiosity about life. Eternal youth, infinite passion, pleasures subtle and secret, wild joys and wilder sins – he was to have all these things. The portrait was to bear the burden of his shame: that was all. A feeling of horror crept over him as he thought of the desecration that was in store for the fair face on the canvas»* (с. 45).

«Dread» характеризуется семой длительности и предвосхищения будущей опасности: *«A curious sensation of dread came over him. He felt that Dorian Gray would never again be to him all that he had been in the past»* (с. 20).

Согласно теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, абстрактные понятия осмысляются через конкретные образы [6, 78]. В романе Уайльда вы-

явлен ряд метафорических моделей, структурирующих концепт «fear». Страх концептуализируется как агрессивная внешняя сила, нападающая на человека: «*Terror seized him*» (с. 150), «*fear gripped his heart*» (с. 210). Данная модель отражает пассивность субъекта эмоции и деструктивный характер страха. Глаголы «seize», «grip» подчёркивают внезапность и насильственность воздействия эмоции на сознание героя. Человек уподобляется сосуду, который может быть наполнен эмоцией: «*He was filled with terror*» (с. 220), «*fear rose in him*» (с. 184). Эта модель позволяет передать градуальность эмоционального состояния и его динамику.

Проведенное исследование подтвердило значимость концепта «fear» в художественном мире романа и продемонстрировало плодотворность применения методов когнитивной лингвистики и лингвокультурологии к анализу художественного текста.

Список литературы

1. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2020. – 192 с.
2. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2020. – 320 с.
3. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. – М. : Гнозис, 2019. – 374 с.
4. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2019. – 314 с.
5. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2020. – 992 с.
6. Лакофф, Дж. *Metaphors We Live By* / Г. Лакофф, М. Джонсон. – Чикаго: University of Chicago Press, 2020. – 276 с.
7. Уайльд, О. Портрет Дориана Грея / О. Уайльд. – Лондон : Penguin Classics, 2019. – 254 с.

Скоморохова С. В.

доцент, кандидат филологических наук, кафедра русского языка и литературы,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия

ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Аннотация

В результате культурно-исторического развития у русского народа сформировалось национальное самосознание, мироощущение, система ценностей, которые получили отражение в его языке. В статье показано, как язык художественного произведения, как вербализованная форма сознания народа, отражает миропонимание, образ жизни, менталитет, мораль русского человека конкретной исторической эпохи.

Ключевые слова: культурно-историческая среда, язык романа, духовность, русский человек

Keywords: cultural and historical environment, novel language, spirituality, Russian people

В языке художественного произведения раскрывается отраженный в нем мир, различные стороны духовной культуры народа, его социальная и историческая определенность. Изучение языков, по Гумбольдту, должно быть подчинено постижению «духа народа». Язык называет и раскрывает важнейшие понятия духовной культуры народа – истины, веры, добра, красоты, долга, чести, закона, милосердия и др.; позволяет изучать эти понятия в связи с чтением и анализом художественных произведений, сопоставлять с современными концепциями долга, веры, правды и добра.

Изучать язык произведений русского народа – познавать правду о русском человеке. В песнях, сказаниях, легендах, поэмах отражаются мысли народа о смысле жизни, о любви, о милосердии, о семье. В каждом народном или авторском произведении, изображающем картины жизни людей, показывающем явления и события эпохи, чувства и переживания героев, передается среда, в которой моделируется миропонимание читателя. Рассмотрим признаки культурно-исторической среды XI века, отраженные в языке романа В. Иванова «Русь великая», познакомимся с разнообразными сторонами жизни русских людей этой эпохи, узнаем духовные основы формирования законов, по которым жил наш народ в описываемый период. Русский народ представлен в романе и историческими персонажами, и вымышленными героями – князьями, боярами, воинами, мудрецами, выражающими настроение умов людей описываемой эпохи.

Язык романа Валентина Иванова «Русь великая» помогает погрузиться в среду, созидующую духовную силу нации, постичь авторское отношение и к формировавшимся, и к сформированным духовным категориям русского народа. Роман – богатая кладовая народной мудрости и народного опыта. В нем представлено описание культурно-исторической среды, формирующей духовность человека, включающей содержание таких важных жизненных понятий, как вера, любовь, порядок, мудрость, покаяние, достоинство, труд – понятий, которые и в настоящее время остаются ценными для формирования высокой нравственности человека, воспитания гражданственности.

Думается, что осмыслить представленную в романе «Русь великая» культурно-историческую среду можно посредством постижения авторской концепции Правды, Добра, Любви, Долга и Веры. Постигание авторской истины о мире и человеке можно осуществить, отправившись по нескольким путям анализа содержательной и формальной сторон языка романа.

Первый путь – осмысление языка романа, передающего события прошлых эпох, показывающего судьбу народа. Определяющим фактором формирования культурных норм русского государства, по мысли автора, является язык – Слово. Будучи божественным по своему происхождению, Слово представлялось как дар Бога человеку для его разумной деятельности. «Слово – это ум, – говорит Максим Исповедник, – благодаря которому душа называется разумной». Автор говорит о великой ценности Слова. Оно обучает, наставляет, лечит, помогает в самые трудные времена, вдохновляет, ведет за собою. Наделенное ценностью, Слово в культуре эпохи является синонимом дела, а пустая речь – «во грех вводит». Семантика Слова расширялась, появлялись новые значения: «заповедь Бога», «поучение», «совет» (*помогать словами и делами*), «обещание» (*быть хозяином слова, дать слово, сдержать слово*), «мнение» (*веское слово, окончательное слово*).

Важно осмысление языка романа, показывающего великие ценности наших далёких предков – основу духовной силы современников. Осмыслить мир как систему, порядок человеку помогала идея Бога. Вера Христова выполняла роль фундамента общественной постройки, определяла систему нравственных установок. Религиозный опыт передавался из поколения в поколение. Православие укрепляло в русском народе волю к справедливости, формировало чувство совести и собственного достоинства. Православие учило оценивать свое и чужое поведение и поступки, опираясь на нравственные ориентиры, на отличия святого и греховного. Православие каждому человеку давало понимание личной ответственности за действительную реальность своей жизни. Иллюстрацией могут служить слова святого затворника: «...Человеку свободная совесть дана и свобода дело вершить своим разумьем... А на белом свете, за что ни возьмись, легче разрушать, чем созидать что-либо... Потому-то в жизни больше неустройства, чем порядка» [4, 472]. Как религиозная и этическая категории выступают в романе понятия «правда», «совесть». Об этом говорят, например, такие пословицы и высказывания: «у правды глаза зоркие, она и

в темноте видит» [4, 47], «меры добра и зла, совесть – советники души, без которых ничто не возможно» [4, 43], «беседа без лжи – что молитва» [4, 184], «меж человеком и совестью только Бог может встать, остальным – не поместиться» [4, 254].

Правда имеет отношение ко всему правильному, справедливому, то есть *правда* осмыслялась в категориях этики: *праведно* – «пристойно, прилично; разумно», *правдиво* – «благочестиво, честно». Осмысление *правды* как моральной категории правильного породило ее соотнесение с правом, поэтому свод средневековых законов стали называть «Русской правдой»: *В русском законе – Русской правде – собрана <...> правда русских обычаев* [4, 54].

В романе проводится мысль о том, что «правда» – это отражение справедливости, связанной с волей Бога, поэтому стремление к правде – свидетельство духовного начала в человеке, а правдоискатель и теперь воспринимается как человек праведный, его деятельность сопряжена с добрыми делами – Божьей Правдой. В выражениях *жить по совести*, *жить по Боге* отражается положительная этическая оценка таких признаков человека, как «честность», «совестливость», «набожность».

Язык романа помогает постичь особенности менталитета народа описываемой эпохи, его национального самосознания. Оно раскрывается посредством анализа словесного состава, связанного с описанием *русской природы*. Например, из романа мы узнаем, что «для русского человека родные места милее любых неродных роскошных мест». Свободно и выразительно льется авторская речь, с любовью описывающая природу родной земли, отношение русского человека к рекам, которые поят и людей, и зверей, и растения. Особо нежное и бережное отношение у русского человека к ключу – «слабосильному ключику, нитке или паутинке», в его слабых струечках – «сила рек, начало вод русской земли». Реки же для русского человека – это дороги, по которым связывается русская общность.

Объемные описания и совсем маленькие пейзажные зарисовки рассыпаны по всему роману. Что бы ни описывал автор – поля, реки и их берега, богатые уголья – «кормилище русское», нежную прелесть травы или маленького дубка, птенца дрофы, мудрость пчелы, нерасторопность ветерка – он создает поистине прекрасные картины, показывающие проявление многоликой красоты повсюду, многообразие форм жизни. Каждое

описание поэтично и живописно. Автор постоянно возвращает мысль читателя к пониманию того, что в мире природы все гармонично, понятно, правильно. Легко, порой несколькими простыми словами выражается суть глубоких мыслей: *«птицы не сеют, не жнут, не копят в житницы»*. Жизнь для всего живущего на земле наполнена трудностями, но она разумна. Например, о пчеле автор рассказывает: *«Пчела строга, не добра. К себе не пустит чужого, зато в поле мир. Ни человека, ни зверя не ужалит, и между собой нет свары из-за охоты. Сама посильно берет, другой не мешает, и никто не слышал, чтобы пчелы воевали из-за цветов»* [4, 428]. Автор советует постигать мудрость природы, жить в добре (*«со злобой в сердце легко убивать, но трудно жить»*).

В романе широко представлено описание *труда людей, их обрядов и верований*. Интересно, читая, познавать нормы, предписания, идеи, на которых базировались разумные религиозно-этические, семейные принципы жизни человека. Эти принципы, например, представлены в романе при описании обычаев тмутараканской земли: *«Русский корень не боялся прививок, русский не чуждался иноплеменных. Стоял крепко на двух опорах, будто бы чуждых: на силе и на вольности. Никому не завидовал, ибо не осознавал себя обиженным, принужденным, несчастным – и не был таковым. В Тмутаракани отличали своих от чужих не по говору, не по облику, не по вере, но тем, что ты для Тмутаракани? Друг или недруг?»* [4, 88].

Русский человек верен обычаям, ценит добрые дела, добрых людей, способен оценивать свои поступки (*«сердце потерять – всего лишиться»* [4, 183]), *«различай злое от доброго: доброе сильнее, да труднее»*, *«любовь – как венец, она не пристала ничтожеству, не годится для злобных. Надень – упадет»* [4, 121]. Русскому человеку дороги гуманистические ценности, он задумывается над своим мировоззрением, может пересматривать постулаты своей жизни. Он осознает действительность с точки зрения нравственных норм: *«Не будь тревоги – не было б и покоя; не будь несчастья – перестанут счастье ценить; разлука горька, да все искупается радостью встречи»* [4, 103], *«Не утруждай ум словами, но душу свою зажигай»* [4, 61].

Русский человек осмысляет роль власти. Русской землей управлял весь княжеский род в целом, великий князь «сидел» в Киеве, а другие князья по старшинству получали

уделы в иных областях страны. В романе не только мудрецы, но и простые люди выступают помощниками, советующими, какой ориентир избрать для доброго княжения: *«Будь же князем долгие годы... Будешь по правде жить, мерьяне – твои люди. Будет ложь, беззаконие, убийство – не твои будут мерьяне»* [4, 248]. *«Какая же наука ими править, с ними жить? Не мешай им, делай по чести, не скрывайся, не прячься. За правду, за свою правду они море горстями вычерпают»* [4, 100]. *«Забота о людях не доблесть, но обязанность князей»* [4, 212]. *«Наша Земля принимает князя из обычая. Кто пойдет против, того Земля выбросит, пусть он и все города завоюет»* [4, 100].

В языке романа наблюдается детализация понятия «зло», существующего в мире людей, создающего угрозу человеческому существованию. Во все времена жизнь русского человека сопряжена с борьбой с многочисленными внешними врагами. Русские самоотверженно защищали свое Отечество, потому что бескрайние земли Руси привлекали внимание завоевателей почти со всех сторон света. *«Восток бил Русь крыльями, клювом, когтями. Русь отступала, отбивалась на опушках своих лесов и, бросившись в степь, ломала азиатские крылья. Никто с запада не приходил помогать Руси отбиваться. Повернется Русь лицом на восток, запад ее бьет в спину. Отмахнется Русь – с востока ударят»* [4, 152].

В романе отражены военные события на Руси, связанные с нападением половцев, печенегов, хазар и других кочевников Дикой степи; показана воинская слава нашего народа. Лишения, испытания, страдания, выпадавшие на долю русского народа, помогали укрепляться его воле, выносливости, упорству, помогали изгонять раба из души. Русский человек переставал поклоняться чужим идеалам, возвращался к корням русской культуры.

Большим лишениям подвергалась страна и народ в результате княжеских междоусобиц и раздоров, которые вспыхивали довольно часто. В романе с тревогой за состояние русских земель описывается история русских князей. Князья совместно обороняют рубежи Родины от нашествия врагов, при этом не прекращаются и их междоусобицы: *«Все же знают, что сила в уме да в добре, в насилии же слабость да смерть-разоренье»* [4, 208].

Второй путь знакомства с культурно-исторической средой эпохи – знакомство с историей слов в истории общества XI века. В романе представлена история происхождения

отдельных слов, помогающая увидеть их связь с разнообразными сторонами жизни людей. Знакомство с *историей наименований городов, деревень, рек, морей* позволяет постичь духосозидающую культурно-историческую среду романа. В романе представлен богатый материал, связанный с исторической ономастикой. Например, говоря о названиях города Сурожь и Сурожского моря, автор объясняет происхождение русского слова «сурожь». *Сурожь – это рожь с пшеницей; приставка имеет значение «смесь»*. Язык романа «Русь великая» показывает представления людей предшествующих эпох, традиции культуры и религии. Позиция автора, выраженная при описании ценностей людей далекой эпохи, позволяет сохранить и осмыслить духовные устремления русских людей. Современному человеку осмысление этих идей поможет выстроить свою систему норм и ценностей, полюбить свою Родину так же, как ее любил Валентин Иванов и его лучшие герои.

Список литературы

1. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М., 1984. – С. 10.
2. Верещагин, Е. М., Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1980. – 320 с.
3. Дионисий Ареопagit О божественных именах. О мистическом богословии / Дионисий Ареопagit. – СПб., 1994. – с. 255.
4. Иванов, В. Русь Великая: роман-хроника / В. Иванов // Русская литература. Большие книги. – СПб : Азбука, 2024. – 672 с.

Сотникова А. А.

студентка, кафедра иностранных языков,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия

Уткина О. Л.

кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия

АДАПТАЦИЯ УЧЕБНЫХ ЗАДАНИЙ КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

В статье рассматривается проблема обучения английскому языку учащихся 7 класса с расстройствами аутистического спектра (РАС). Анализируются психолого-педагогические особенности данной категории обучающихся, препятствующие эффективному усвоению иноязычного материала. Представлен анализ УМК «Spotlight 7» на предмет его адаптационного потенциала. Описан разработанный и апробированный комплекс упражнений на основе модуля «Lifestyles», включающий визуальные опоры,

речевые шаблоны, пошаговые инструкции и дифференцированные задания. Приводятся результаты педагогического эксперимента, доказывающие положительную динамику познавательной активности учащихся с РАС при использовании адаптированного комплекса.

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра, английский язык, активизация познавательной деятельности, адаптация учебного материала, визуальная поддержка.

Keywords: autism spectrum disorders, English language, activation of cognitive activity, adaptation of educational material, visual support.

Современные образовательные стандарты декларируют доступность качественного образования для всех категорий обучающихся, включая детей с ограниченными возможностями здоровья. Особую группу представляют учащиеся с расстройствами аутистического спектра (РАС), чьи образовательные потребности значительно отличаются от потребностей нормотипичных сверстников. Согласно исследованиям Л. Г. Бородиной, Н. Я. Семаго и М. М. Семаго [1, 8-10], РАС проявляются в виде качественных искажений в регуляторно-волевой, когнитивной и аффективно-эмоциональной сферах, что напрямую влияет на способность к обучению, особенно такому сложному и коммуникативно-направленному предмету, как иностранный язык.

В существующей методической литературе, представленной работами И. Л. Бим [2, 45-48], С. Ф. Шатилова [3, 112], Е. Н. Солововой [4, 78], вопросы активизации познавательной деятельности освещены достаточно полно. Однако применительно к учащимся с РАС наблюдается явный дефицит практических разработок. Учебно-методические комплексы, в частности популярный УМК «Spotlight 7» (авторы Ю. Е. Ваулина, Д. Дули, О. Е. Подоляко, В. Эванс) [5, 3-10], ориентированы на учащихся с нормативным развитием и предполагают высокий уровень сформированности регулятивных, коммуникативных и когнитивных универсальных учебных действий, что зачастую недостижимо для детей с РАС без специальной адаптации. Данное противоречие между требованиями образовательной программы и реальными возможностями учащихся с РАС обусловило актуальность настоящего исследования.

Цель исследования – разработка и экспериментальная проверка эффективности комплекса упражнений для активизации познавательной деятельности учащихся с РАС на уроках английского языка.

Исследование проводилось на базе общеобразовательной организации с тремя учащимися 7 класса с РАС. Один из учащихся имеет выраженные трудности коммуникации, а также учебной регуляции. Двое других учащихся имеют признаки высокофункционального аутизма. Во время работы применялись следующие методы: анализ УМК «Spotlight 7» (модуль 1 «Lifestyles»), количественный и качественный анализ результатов учебной деятельности, анализ психолого-педагогической и методической литературы, педагогический эксперимент (констатирующий, формирующий и контрольный этапы), педагогическое наблюдение. Для осуществления объективной оценки познавательной активности учащихся были выделены следующие критерии: речевая активность, понимание инструкции, использование дидактических материалов, устойчивость внимания, включенность в задание. Каждый из критериев оценивался по трехуровневой шкале (низкий – 1 балл, средний – 2 балла, высокий – 3 балла).

Теоретический анализ показал, что ключевыми барьерами в обучении английскому языку для данной категории являются: нарушение социального взаимодействия и коммуникации; трудности восприятия устной инструкции и спонтанного речевого ответа; сенсорная перегрузка и высокая тревожность; своеобразие памяти (преобладание механической над смысловой); сложность переключения внимания и переноса знаний в новую ситуацию [1, 6]. В. В. Ларионенко [6, 447] и К. А. Трутнева [7, 374] подчеркивают необходимость учета данных особенностей при организации процесса обучения, делая акцент на визуальной поддержке, речевых шаблонах и пошаговых инструкциях.

Проведенный анализ УМК «Spotlight 7» показал, что модуль «Lifestyles» обладает значительным методическим потенциалом для обучения учащихся с РАС благодаря тематической близости к повседневной жизни (город, деревня, распорядок дня, досуг), наличию визуального материала и коммуникативной направленности. Однако в исходном виде задания модуля характеризуются высокой информационной плотностью, наличием развернутых инструкций и упражнений на спонтанное говорение, что создает непреодолимые когнитивные и эмоциональные барьеры. Сравнительный анализ оригинальных и адаптированных заданий выявил необходимость введения визуальных опор, сокращения объема и пошагового предъявления инструкций (табл. 1).

Сравнение оригинальных и адаптированных заданий УМК «Spotlight 7»

Оригинальный формат задания УМК	Адаптированный вариант задания	Ожидаемый педагогический эффект
Прочитать текст и ответить на вопросы	Разделить текст на части, выделить ключевые слова, дать вопросы с выбором ответа	Снижение когнитивной нагрузки
Прослушать аудиозапись и выполнить задание	Перед прослушиванием показать картинки и ключевые слова, разрешить повторное прослушивание	Повышение готовности к аудированию, снижение тревожности
Составить диалог в паре	Дать карточки с готовыми репликами и визуальную схему диалога	Развитие речевого взаимодействия в безопасной форме
Выполнить грамматическое упражнение на выбор формы	Дать схему «usually / now», цветом обозначить временные маркеры	Осознанное различение грамматических форм

С учетом особенностей учащихся на основе УМК был разработан комплекс адаптированных упражнений, который включает 5 уроков. В структуру урока каждый раз входила речевая практика, визуальное расписание, основное задание, введение цели, работа с лексикой, контроль и самооценка), благодаря чему была обеспечена предсказуемость и тем самым снижен уровень тревожности учащихся.

Ключевыми методическими приемами стали: карточки «слово-картинка» для введения лексики («Word and picture»); речевые шаблоны для говорения («I usually...», «I choose... because...», «In the morning I...»); таблицы сравнения для активизации мышления («City or country?»); пиктограммы и цветовое кодирование для грамматики («must / mustn't»); чек-листы для самооценки («Checklist: I can»). Задания были дифференцированы по трем уровням сложности. Учащиеся с высокофункциональным аутизмом выполняли задания на составление фраз и коротких монологических высказываний, в то время как учащийся с более выраженными трудностями работал на уровне выбора картинки, повторения ключевого слова или завершения фразы с помощью учителя.

Эксперимент разделен на три этапа. Первый – констатирующий этап, в котором были зафиксированы исходные показатели. Для учащихся суммарный балл познавательной деятельности составил 10 и 9 баллов (средний уровень) для двоих и 5 баллов (низкий

уровень) для третьего учащегося. Основными трудностями, выявленными в процессе работы с учащимися, были: низкая речевая активность, трудности понимания инструкции, слабая включенность. На формирующем этапе был реализован разработанный комплекс. Наблюдение показало, что наиболее эффективными оказались задания с видимым результатом (заполнение таблицы, раскладывание карточек, отметка в чек-листе). Учащиеся быстрее включались в работу, реже отказывались от выполнения и активнее использовали визуальные опоры.

На контрольном этапе проведена повторная оценка. Результаты продемонстрировали положительную динамику у всех учащихся (табл. 2). Общий балл каждого учащегося увеличился на 5 пунктов: у первых двух учащихся он достиг высокого уровня (15 и 14 баллов), а третий перешел с низкого на средний уровень (10 баллов). Качественный анализ показал, что изменения коснулись не только речевых навыков, но и учебного поведения: повысилась самостоятельность, устойчивость внимания и готовность к выполнению учебных действий. Третий учащийся, ранее часто отказывавшийся от работы, стал выполнять задания с карточками и повторять короткие фразы по образцу.

Таблица 2

Сравнение результатов констатирующего и контрольного этапов эксперимента

Учащийся	Балл на констатирующем этапе	Балл на контрольном этапе	Динамика
Учащийся 1	10	15	+ 5 баллов
Учащийся 2	9	14	+ 5 баллов
Учащийся 3	5	10	+ 5 баллов

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы. Обучение английскому языку учащихся с РАС требует обязательной адаптации учебного материала с учетом их сенсорных, коммуникативных, когнитивных и эмоционально-волевых особенностей. Игнорирование этих особенностей делает процесс обучения неэффективным и травматичным для ребенка. УМК «Spotlight 7», несмотря на свою методическую ценность, не может использоваться в работе с данной категорией учащихся без существенной трансформации заданий. Предложенный комплекс упражне-

ний, который основан на пошаговой инструкции, речевых шаблонах, визуальной поддержке, а также дифференцированных заданиях, доказал свою эффективность. Применение комплекса способствует активизации познавательной деятельности, что в первую очередь проявляется в повышении включенности, а также устойчивости внимания, речевой активности и непосредственно формировании элементарной учебной самостоятельности учащихся.

Список литературы

1. Бородина, Л. Г. Типология отклоняющегося развития. Варианты аутистических расстройств / Л. Г. Бородина, Н. Я. Семаго, М. М. Семаго. – М. : Генезис, 2018. – 176 с.
2. Бим, И. Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе: проблемы и перспективы / И. Л. Бим. – М. : Просвещение, 1988. – 256 с.
3. Шатилов, С. Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе : учебное пособие / С. Ф. Шатилов. – М. : Просвещение, 1986. – 223 с.
4. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций / Е. Н. Соловова. – М. : Просвещение, 2002. – 239 с.
5. Английский язык. 7 класс : учебник для общеобразовательных организаций / Ю. Е. Ваулина, Д. Дули, О. Е. Подоляко, В. Эванс. – М. : Просвещение, 2023. – 224 с.
6. Ларионенко, В. В. Учет психолого-педагогических особенностей детей с расстройством аутистического спектра в обучении иностранному языку / В. В. Ларионенко // Молодой ученый. – 2023. – № 46 (493). – С. 446-448.
7. Трутнева, К. А. Особенности обучения иностранному языку детей с синдромом аутизма / К. А. Трутнева // Функциональные аспекты межкультурной коммуникации и проблемы перевода : сборник статей IV Международной научной междисциплинарной конференции. – М. : РУДН, 2017. – С. 372-382.

Тимофеева А. А.

студентка, кафедра истории, философии и социально-гуманитарных наук,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия
Научный руководитель: канд. культурологии, доцент Г. П. Трофимова

ОЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕТРА I В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация

Статья посвящена оценкам исторического сообщества эпохи петровских преобразований и модернизации России. В работе представлен историографический анализ проблематики. Проанализированы основные подходы к личности Петра I ведущими историками дореволюционной эпохи.

Ключевые слова: история, история России, Петр I, реформы, модернизация

Keywords: the history, the history of Russia, Peter the Great, reforms, modernization

Петровской эпохе уделено большое внимание в отечественной историографии, что обусловлено важностью прошедших преобразований. Петровские реформы стали катализатором модернизационных процессов в России. Историографический феномен Петра I связан с неоднозначными оценками личности самого реформатора. Исторический дискурс дореволюционных историков связан с полемикой о непосредственной роли Петра I в осуществлении реформ и продуктивности проводимых преобразований для российской государственности и общественного развития народа. В дореволюционной, советской и современной российской историографии принято говорить о том, что именно с именем Петра Великого начинается новый этап развития России и процесс её модернизации [6, 145–146].

В. Н. Татищев оценил царя как монархиста и убежденного последователя идеи сильного государства, но в то же время и как представителя культуры эпохи Просвещения. В записке «Краткое изъятие из великих дел Петра Великого, императора всероссийского» он писал: *«Петр боролся с внешними и внутренними неприятелями»*. Особой заслугой царя называл основание *«великих городов»*, а также соединение *«Каспийского, Балтийского и Белого морь каналами»* [11]. Отдельно выделял, что Петр Великий осуществил успешное, системное экономическое и культурное развитие России [10]. В заслугу Петра I ставил также и его большие, блестящие внешнеполитические победы. Среди них выделяет возвращение исконных русских земель, потерянных в период Смутного времени (1598–1618 гг.), обеспечение выхода к Балтийскому морю по итогам заключения выгодного для России Ништадтского мирного договора (1721 г.) [10; 11].

Н. М. Карамзин считал, что реализованные цели крупномасштабных реформ помогли приобрести России новое величие и потомки должны *«воздать хвалу сему бессмертному государю»*. Николай Михайлович высоко оценил личные качества Петра I, назвав его *«великим мужем»* и видел в делах его главный результат – Россия как держава была поставлена на высокую ступень в политической системе Европы. Однако Петр Великий при всем своем величии *«не нашел способ просветить ум россиян без вреда для их гражданских добродетелей»*. Виною этому, по утверждению Н. М. Карамзина, возвышение европейского [3].

С. М. Соловьёв выделялся среди дореволюционных историков своим взглядом на значение петровских реформ. Он подчёркивал народноцентрический характер преобразований Петра I: это были *«народные дела»*, а сам он – *«царь народный»*. Для Петра I главной целью было превращение России в мощное, современное своему времени, европейское государство. Петр I стал первым учеником собственных преобразований – *«деятельной школы»*, которая пробудила и развила самобытность русского народа. Его неутомимая активность разбудила дремавшие народные резервы, направив их на модернизацию страны. Петр стремился к возрождению России через гражданскую модернизацию. Историк открыто признавал высокую стоимость этих преобразований для народа; успех раннепетровских начинаний напрямую связан с гениальностью царя-реформатора и его способностью видеть глубокие внутренние процессы страны. Выделял его природный ум, любознательность, целеустремленность и настойчивость, государственный подход ко всем вопросам, умение ставить интересы страны выше личных. Цель преобразования состояла в том, чтобы приучить этих способных людей к деятельности общества, в которой бы они развивали силы друг друга и сдерживали друг друга. Упоминает С. М. Соловьёв о целой системе учреждений, возникших при Петре, *«имевших воспитательное значение для народа через приучение его к деятельности общества»* [9].

Он ставил Петра Великого выше всех знаменитых монархов и выдающихся деятелей XVIII в., в истории России не находил ему равных и осуждал тех, кто не разделял такого взгляда. При оценке его реформ как «революции сверху» считал, что на алтарь преобразований были принесены огромные, титанические труды и лишения, но они не пропали даром. Была начертана обширная стратегическая программа на много лет вперед, начертана была не на бумаге, а на земле, которая должна была открыть свои богатства перед русским человеком, которая получила через науку полное право ей владеть.

В лице Петра Первого В. Г. Белинский видел *«олицетворённый идеал русского народа в деятельные мгновения его жизни»* [2] и результаты преобразований Петра I он оценивал в зависимости от их значения для последующего развития. Но в то время отмечал, что результаты преобразований не сразу стали достоянием народа, и пути осуществления реформ не всегда были целесообразными. Преобразования не коснулись толщи

народных масс, и создавался глубокий, многовековой разрыв между просвещёнными верхами, преимущественно дворянством, и народом.

А. Б. Шапов видел две стороны деятельности Петра I – с одной стороны, это был *«гениальный государь»*, *«основатель империи»*. С другой – *«при Петре все лишились свободной жизни»*, а сам император *«для образования русского народа, собственно массы народной ничего не сделал»*. Не отрицал гениальность Петра Великого как государственного деятеля и значение его *«очистительного просветительного слова о западной науке»*. Однако считал необходимым признать, что *«европейско-просветительное влияние Петра нисколько не существовало и не существует для огромной массы крестьянства, мещанства и даже большей части купечества»* [12].

М. П. Погодин, исследуя деятельность Петра I, отмечал, что европейское влияние со времен Петра Великого *«подверглось все наше бытие умственное и моральное, душевное и телесное, определило, таким образом, развитие Отечества»* [8].

В. О. Ключевский в труде «Курс русской истории» раскрыл значение реформы Петра Великого. Он определил их как необходимые, обусловленные развитием России. При этом реформы имели и ярко выраженные негативные черты: поспешность, тягостность для подданных, чрезмерная подражательность [4].

П. Н. Милюков посветил петровским реформам свою научную диссертацию. В своей работе «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» он охарактеризовал петровские преобразования как основу для дальнейшей модернизации России, при этом воздержался от крайних оценок самого реформатора. По его мнению, реформы являлись выражением внутренней логики развития российского государства и были связаны с процессами модернизации прошлого столетия. То есть, были закономерными, в какой-то мере даже вынужденными. При этом выделял спонтанность проводившихся реформ. Отмечал, что сфера влияния самого Петра Великого была в значительной степени ограничена. Преобразования являлись плодом коллективных действий. Конечная цель политических и социально-экономических трансформаций осознавалась лишь частично, в самых общих, абстрактных представлениях [5].

Критично к преобразованиям Петра I отнеслись славянофилы, которые воспринимали реформатора разрушителем традиционных устоев и «издревле благодарного» старомосковских порядков. Личность Петра I рассматривалась через призму «*греховности и малодушия*» [1; 7].

Дореволюционные историки по-разному оценивали Петра Великого и его крупномасштабные реформы. Наиболее позитивные оценки мы видим в трудах Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева. Они видели в Петре I творца сильного и современного государства, сумевшего преодолеть отставание и выйти на уровень передовых стран Европы. Отмечали, что реформы его эпохи стали основой нового направления развития российского государства и определили вектор культурного развития. Другие историки, особенно сторонники славянофильских идей, рассматривали его реформы как ключевую причину упадка и деградации русской жизни, «*потери старомосковского быта и благочестия*». Они рассматривали его политику как катастрофу для культуры российского государства. Их критика основывалась на приверженности к московской старине, уходу Петра I от православных и старомосковских принципов построения российской государственности. Вообще, его преобразования во всех сферах рассматривались ими как вредные для народа и страны.

Список литературы

1. Алимова, Л. Б. Художественное производство в культурно-историческом пространстве России XVIII-начала XX веков / Л. Б. Алимова // Дизайн. Искусство. Промышленность. – 2012. – № 1. – С. 15-24.
2. Алимова, Л.Б. Шпалерные мануфактуры в России в XVIII – второй трети XIX в. / Л. Б. Алимова. – Изд-во Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Оренбургский государственный университет», 2017. – С. 14-40.
3. Аксаков, К. Историческое значение царствования Петра Великого : монография / К. Аксаков. – М., 1855.
4. Белинский, В. Г. Россия до Петра Великого : монография / В. Г. Белинский. – СПб. : Лань, 2013. – 43 с.
5. Карамзин, Н. М. История государства Российского : монография / Н. М. Карамзин. – СПб., 1821. – 8 т.
6. Ключевский, В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – М. : АН СССР, 1937. – Ч. 1. – М. : Соцэкгиз. – 394 с.
7. Милюков, П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого / П. Н. Милюков. – СПб., 1892. – 156 с.

8. Мусафиров, М. К. Исторический анализ проблемы решения аграрно-крестьянского вопроса в Российской Империи на материалах Оренбургской губернии / М. К. Мусафиров, И. А. Шебалин, И. В. Вовк // Исторический бюллетень. – 2024. – Т. № 7. – № 2. – С. 145–150. – DOI: 10.58224/2658-5685-2024-7-2-145-150.

9. Мусафиров, М. К., Шебалин, И. А. Крестьянское протестное движение на территории Оренбуржья в период первой русской революции / М. К. Мусафиров, И. А. Шебалин // В. П. Данилов и российское крестьяноведение [Электронный ресурс] : сборник Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Оренбург : ОГУ, 2025. – С. 46–53.

10. Погодин, М. П. Петр Великий : монография / М. П. Погодин. – М., 1863.

11. Соловьёв, С. М. История России с древнейших времен : монография / С. М. Соловьёв. – М. : АСТ 2024.

12. Татищев, В. Н. Краткая записка о царствовании Петра Первого : монография / В. Н. Татищев. – М. : Наука, 1725. – 124 с.

13. Татищев, В. Н. История Российская : монография / В. Н. Татищев. – М., 1725.

14. Щапов, А. П. Историческая концепция / М. П. Щапов. – М., 1863. – 338 с.

Уткина О. Л.

кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия

Берг А. Д.

студент, кафедра иностранных языков,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА КОРОЛЕВЫ КАМИЛЛЫ В ГАЗЕТЕ THE GUARDIAN

Аннотация

Статья посвящена изучению стилистических средств создания образа королевы Камиллы в британском издании газеты The Guardian за 2023–2025 годы. Авторы намеренно используют разнообразные стилистические средства для воздействия на читателя и формирования определенного общественного мнения о королеве.

Ключевые слова: стилистика, средство, образ

Keywords: stylistics, device, image

Для создания образа политика в публицистическом тексте используются различные стилистические средства. Изучение классификаций средств создания образа, предложенных И. Р. Гальпериным [2, 157], И. В. Арнольд [1, 13], Ю. М. Скребневым [3, 123], В. И. Шаховским [4, 115], позволило установить, что стилистические средства подразделяются на фонетические, лексические и синтаксические. Методом сплошной выборки были отобраны и проанализированы статьи за 2023–2025 годы, касающиеся личности королевы Камиллы.

Статья «Mark Bolland: the PR guru whose job was to 'make Camilla more presentable» рассказывает о том, как благодаря Болланду Камилла получила признание. Все ее появления вместе с Чарлзом и другими представителями королевской семьи были частью плана, «зенитом» которого стало признание Камиллы Елизаветой II. В данной статье приводятся следующие перифразы, характеризующие Камиллу: «the privy council», «a firm favourite of the queen», «queen consort» [5].

В мае 2023 года статьи были посвящены главному событию королевской семьи – коронации Чарлза и Камиллы.

Заглавие статьи: «The rise of Camilla: from vilified royal mistress to queen in waiting» [6]. Путь Камиллы охарактеризован метафорами «борьба» и «путешествие»: борьба за расположение Елизаветы II, борьба за положительное общественное мнение и так далее: «*Battle to win over Elizabeth II and British public – via "Operation PB" – was tumultuous but ultimately a success*». Другой метафорой служит «The long, turbulent *journey*». Эпитеты, характеризующие Камиллу: «vilified», «conniving» [6].

Для создания образа Камиллы использованы следующие перифразы: «the debutante», «the vilified royal mistress», «conniving marriage-wrecker». Автор красочно передал отношение общественности к Камилле.

Автор статьи от 10.01.2024 года, посвященной рубрике «Читальный зал королевы», утверждает, что возможность услышать, как «королева подробно обсуждает свои любимые книги, несомненно, была бы идеальным способом очеловечить отчужденную монархию». Вместо этого «it is a deeply generic author interview podcast where Camilla sort of *pops up* at the end to tersely announce that she quite likes Harry Potter but refuses to do the voices, before rapidly retreating *in a cloud of cigarette smoke and gin fumes*.» [8] Идиомы, указывающие на отсутствие индивидуальности в этом подкасте, используются для передачи авторского отношения. Свои эмоции автор описывает как «tough luck», «immensely hollow feeling», поясняя, что «so the last thing we need is one by a woman who can't even be bothered to show up properly.»

Камилла намерена принимать более активное участие в общественной жизни. Будучи президентом ассоциации по борьбе с раком, она оказывает помощь больным людям. По стечению обстоятельств Камилла стала занимать центральное место в жизни страны:

«Less than 18 months after becoming queen, the woman who was once viewed as a *threat to the monarchy* now finds herself having to assume much of the responsibility for *keeping the royal show on the road*.» [9] Автор намеренно приводит воспоминание о прошлой угрозе, исходившей от Камиллы, указывая на то, что страхи по поводу ее были пустыми. Сравнение, используемое в предложении, создает впечатление, привлекает внимание к тому факту, что мнение о Камилле было ошибочным. Метафора в сочетании с трансформированным фразеологизмом (пролонгация) «*keep the show on the road*» многократно усиливает эффект, убеждая, что Камилла – именно та женщина, которая позволит королевскому шоу продолжаться.

Ироничная статья с заголовком, содержащим риторические вопросы: «King Charles looked for heroes to honour – and picked William, Kate and Camilla. Laugh? Cry? You choose» [10]. Автор едко замечает, что, по распоряжению Чарльза, «Камилла стала великим магистром ордена Британской империи» [10].

Имя короля и королевы на первых строках статьи от 23.10.2024: «King Charles and Queen Camilla have left Australia after more than 30 official engagements» [11]. Дальнейший текст посвящен деталям визита, но эти первые строки дали понять, что на каждом шагу короля сопровождает его королева. Рассуждения о различиях в этикете между Карлом и Елизаветой незаметно подвели к образу Камиллы: «There were nods to the Queen's nation-stopping 1954 tour. *Queen Camilla wore her late mother-in-law's famous wattle brooch* – given by the Australian government to *Elizabeth II* – when *she landed in Sydney* in pouring rain on Friday evening. *Queen Camilla will return to London* with another brooch, a tiny silver spoon presented to her by the OzHarvest Charity founder, Ronni Kahn» [11]. В данном отрывке используется сразу несколько приемов для привлечения внимания и убеждения в значимости Камиллы:

– Перифраз «*her late mother-in-law's*» невзначай «напоминает» о законном статусе Камиллы, которой Елизавета приходилась «свекровью», что опять-таки упрочивает ее роль в качестве королевы.

– Антитеза: Елизавета приземлилась в Сиднее («*she landed in Sydney*»), а Камилла возвратится в Лондон («*will return to London*»). Такое противопоставление вновь подсказывает читателю, что на Камиллу нужно взглянуть по-новому, она тоже символизирует обновленную монархию. Ее можно сравнить с Елизаветой и, в то же время, она не Елизавета.

– Метафора: «*There were nods to the Queen's nation-stopping 1954 tour*» [11] «Одоб- рительный кивок» в сторону Елизаветы показывает значимость предпринятого Карлом III и Камиллой турне. Но тогда была только королева, а теперь неразлучная королевская пара.

В газете от 22.10.2024 Камилле отведена скромная роль. Ее имя упоминается только один раз в связи с приездом короля на Самоа. Значимость этого события передается при помощи метонимии: «*Another public servant, Linette Matautia, is pleased to be 'wel- coming the world to our home to our Pacific*» [12]. Весь мир следит за действиями королев- ской семьи и их приезд привлечет внимание к Самоа, что очень ценно для властей ост- рова. В этой же статье речь идет о тщательной подготовке к визиту «иностраннных гостей»: «*It's important to show that we value having our foreign guests here and we want them to feel like they are at home*» [12]. Такой перифраз подчеркивает, что, несмотря на значимый ха- рактер посещения королем и его супругой острова, власти уже не считают себя зависи- мыми от Великобритании, гордясь своей независимостью.

Заголовок, «*Queen Camilla: The Wicked Stepmother review – what is the point of this dull rubbish?*» [7], содержит аллюзию на известный сказочный образ злой мачехи. Это сти- листическое средство вызывает, прежде всего, эмоциональный резонанс. Кроме того, че- рез уже известный литературный образ передается не менее известная идея о том, что Камилла стала тем камнем преткновения, о который чуть не споткнулась британская мо- нархия. И тут же, используя обособление, выдвигается утверждение о том, что это «чушь собачья/скучная ерунда». Прилагательное «*dull*» – неинтересный, неостроумный – пока- зывает, что эта тема уже не актуальна.

В тексте содержится анализ документального фильма о взаимоотношениях Чарлза и Камиллы, который открывается утверждением: «*Now we've got Queen Camilla: The Wicked Stepmother, a documentary about absolutely nothing we haven't heard before.*» [7] Ли- тотта, использованная в предложении, показывает, что документальный фильм, который обычно предполагает раскрытие новых фактов или историй, представлен как нечто со- вершенно банальное и предсказуемое. Противопоставление ожидаемой уникальности документального материала и его полной тривиальности создаёт иронический эффект. Ирония используется и в заголовке благодаря риторическому вопросу, который по умол- чанию является утверждением. В статье насчитывается девять риторических вопросов,

убеждающих в том, что бессмысленно и «дешево» (cheap) беспокоить прошлое и зарабатывать на известности королевской семьи: «Does anyone really care about a documentary charting Camilla's rise from jolly schoolgirl to Diana's nemesis, then queen?», «Is it Camilla Awareness Month or something?», «But does cheap always have to be dull and pointless?», «And always about the royals or aristocrats? And always about stuff that has only just happened to them, stuff we all remember because it happened almost literally yesterday?» [7].

В статье автор поэтапно проходит вместе с Камиллой весь путь ее «развития», начиная с детства и заканчивая ее восхождением на трон в качестве королевы-консорта. Автор детально объясняет все причины формирования негативного образа Камиллы в истории ее становления, называет имена, поспособствовавшие этому, в их числе деликатно упоминается принцесса Диана. Автор начинает с иронии, намеренно преувеличивая маргинальное происхождение Камиллы: «She was born in a Nottinghamshire mining town and ate nothing but *mice and boot blacking* until she was four, when *she followed her father down t'pit and got to share his midday break and a cup of pneumoconiosis every Thursday*» [7]. В данном предложении, помимо иронии, сконцентрированы несколько таких ярких стилистических средств, как метафора и зевгма. Это убеждает читателей в бессмысленности фактов, приведенных о Камилле в документальном фильме. Единственная правдивая характеристика Камиллы в период ее юности была: «She was great fun». Это могли отметить все, кто непосредственно был с ней знаком. Данный метонимический перенос, где характеристика человека (весёлость, способность развлечь) выражается через существительное «fun» в переносном значении, делает высказывание более выразительным, лаконичным и экспрессивным.

Разрыв отношений произошел только из-за вмешательства третьих лиц, а именно «Prince Charles's *beloved great-uncle* Lord Mountbatten». «Двоюродный дедушка, лорд Маунтбеттен» упомянут неслучайно, во-первых, родство достаточно дальнее, а, во-вторых, последнее время имя Луиса Маунтбеттена, наставника короля Карла III, было опорочено некоторыми подробностями его биографии, то есть такой циничный, расчетливый человек не мог посоветовать ничего хорошего. Он «засунул свой аристократический нос» («*stuck his patrician nose in*») – пример трансформации, а точнее, пролонгации фразеологической единицы, чтобы ярче выразить мысль о постороннем вмешательстве в отноше-

ния влюбленных. Лорд «положил конец» (*put the kibosh on a relationship*) отношениям: эмоциональная оценка действиям лорда, из-за которого произошел разрыв между принцем и Камиллой [7]. Фразеологические обороты придают высказыванию ироничный оттенок, делают высказывание эмоциональным. Отношения шли «как по маслу» (*to have been going swimmingly*) – данное фразеологическое единство указывает на то, что во взаимоотношениях двух влюбленных все шло хорошо и, очевидно, могло закончиться свадьбой.

Далее автор честно рассказывает читателям все обстоятельства: «Camilla Shand was "clearly not" a virgin, you see, and so 19-year-old Lady Diana Spencer was hauled in instead, and 'Mills married Parker Bowles instead» [7]. Откровенная причина, по которой Камилла не подошла на роль жены Чарлза представлена при помощи снижения стиля до разговорного – «you see», а тот факт, что она не была «девственницей», сопровождался оценкой «clearly» («безусловно/конечно/очевидно»). Развязка истории тоже всем известна, она уместилась в одну фразу: но статья преподносит это читателям с использованием определенной лексики: '19-year-old Lady Diana Spencer was *hauled in instead*'. Идиоматическая фраза и страдательный залог создают впечатление, что Диана стала «пешкой» в игре некоторых представителей королевской семьи. Принц Чарлз и Диана соединились не по своей воле, а по чужой воле. Слово «instead» недвусмысленно указывает на ту, место которой заняла Диана. Камилла же вышла замуж за Паркер-Боулза, тоже «вместо» принца Чарлза. Повторение слова 'instead' привлекает внимание к произведенной рокировке.

Следующий абзац начинается с привлекающего внимание предложения, которое иронично по своей сути: «You'll never guess what happened next.» Понятно, что все знают продолжение и действительно автор тут же это подтверждает: «Except, of course, you know because even the most uninterested of us have absorbed the basics by osmosis over the years» [7]. Метафора, используемая автором, показывает, что «впитывание основ», которыми владеет общественность происходило «естественно/неосознанно». Исподволь читателя подводят к мысли о том, что причиной создания «дурной» репутации Камиллы послужила Диана своими признаниями перед публикой. Все очевидно и вмещается в одно предложение: «Charles and Camilla reignite their affair, Diana is miserable, Diana tells Andrew Morton everything, Camilla is hated by the public (or at least by the tabloids as their supposed proxy), the Queen is worried about the monarchy, then Diana dies and an opportunity to forge a different

future presents itself» [7]. В цепочке перечисленных событий все естественно: Чарлз и Камилла возродили свои отношения, что повлекло естественную цепную реакцию, перечисляющую всех виновных в формировании ненависти к Камилле: Диана чувствовала себя униженной и рассказала обо всем А. Мортону, королева обеспокоена репутацией монархии. Ненависть к Камилле испытывали, таким образом, низкосортные бульварные газеты, зарабатывающие на сенсациях и создающие их сами из ничего. Метафора «to forge a different future» показывает, что «возможность выковать другое будущее» представилась двум влюбленным сама собой, когда были устранены все причины, мешавшие воссоединению.

Таким образом, стилистические средства создают образ Камиллы как «близкой и личной» («close and personal»), искренней и открытой, а ее главными приемами в общении с прессой являются смех, шутка и немного самоуничижения («self-deprecation»). В ряду описывающих ее эпитетов главными являются «warm, friendly, charming, funny, effective, great». Авторы статей, вспоминая неприглядную репутацию королевы-консорты, указывают на то, что ее недооценивали и относились предвзято только потому, что плохо ее знали. Знакомство с Камиллой является «откровением» («revelation»). Положительные качества Камиллы не являются неожиданными для ее близких. Эти лучшие качества увидела Елизавета II, признав в Камилле будущую королеву-консорта.

Стилистические средства создают образ Камиллы как опытной актрисы. Она преодолела многие препятствия на своем пути к роли королевы. В этом ей помогли ее личные человеческие качества, благодаря которым ей не нужна пропаганда: matter-of-fact, straight, impressive, warm, friendly, charming, funny, great, effective, sincere. Камилла заслужила доверие проницательной Елизаветы II, заявившей о желании видеть ее королевой-консортом. «Путешествие» и «борьба» Камиллы были долгими и трудными, и она прошла все достойно, ни разу не оступившись и став поддержкой для Чарлза.

Всего на предмет стилистических средств было проанализировано тринадцать статей, в которых выявлено двадцать шесть метафор, тринадцать эпитетов, двенадцать перифразов, десять риторических вопросов, пять антитез, по три недосказанности, иронии, аллюзии, метонимии, две литоты и по одному повтору, обособлению, звукоподражанию, трансформации фразеологизма, сравнению, сниженной лексики и гиперболы.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Графические стилистические средства / И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1993. – № 3. – С. 13.
2. Гальперин, И. Р. Стилистика Текст / И. Р. Гальперин. – М. : Высш. шк., 2005. – 332 с.
3. Скребнев, Ю. М. Основы стилистики английского языка : учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / Ю. М. Скребнев. – 2-е изд., испр. – М. : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 221 с
4. Шаховский, В. И. Стилистика английского языка : учебное пособие / В. И. Шаховский. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. – 232 с.
5. Davies, C. Mark Bolland: the PR guru whose job was to ‘make Camilla more presentable’ [Электронный ресурс] / C. Davies // The Guardian. 24.02.2023. URS: <https://www.theguardian.com/uk-news/2023/feb/24/prince-harry-says-he-was-collateral-damage-in-camillas-pr-ascent>
<https://www.theguardian.com/uk-news/2023/may/03/the-rise-of-camilla-from-vilified-royal-mistress-to-queen-in-waiting>
6. Mangan, L. Queen Camilla: The Wicked Stepmother review – what is the point of this dull rubbish? [Электронный ресурс] / L. Mangan // The Guardian. 24.09.2024. URS: <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2024/nov/24/queen-camilla-the-wicked-step-mother-review-channel-4-documentary>
7. Heritage, S. Queen Camilla’s books podcast: the case of the missing monarch [Электронный ресурс] / S. Heritage // The Guardian. 10.01.2024. URS: <https://www.theguardian.com/books/2024/jan/10/the-queens-reading-room-podcast-camilla-author-interview>
8. Addley, E. Camilla – woman once seen as royal threat now keeping show on the road [Электронный ресурс] / E. Addley // The Guardian. 06.02.2024. URS: <https://www.theguardian.com/uk-news/2024/feb/06/queen-camilla-to-continue-full-programme-of-activities>
9. Baker, N. King Charles looked for heroes to honour – and picked William, Kate and Camilla. Laugh? Cry? You choose [Электронный ресурс] / N. Baker // The Guardian. 24.04.2024. URS: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/apr/24/royals-william-kate-camilla-honours-monarchy-archaic>
10. Dumas, D. Selfies, hugs and protests: King Charles’s new approach in spotlight during ‘fast and furious’ royal tour of Australia [Электронный ресурс] / D. Dumas // The Guardian. 23.10.2024. URS: <https://www.theguardian.com/uk-news/2024/oct/23/king-charles-royal-tour-australia-visit-wrap>
11. Tupufia, L. ‘This means a lot to us’: Samoa prepares to welcome Charles to the ‘land of kings’ [Электронный ресурс] / L. Tupufia // The Guardian. 22.10.2024. URS: <https://www.theguardian.com/world/2024/oct/22/this-means-a-lot-to-us-samoa-prepares-to-welcome-charles-to-the-land-of-kings>

Флоря А. В.

профессор, доктор филологических наук, кафедра русского языка и литературы,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия

ЧЕЛОВЕК И ЛЮБОВЬ В ПЬЕСАХ В. ШЕКСПИРА

Аннотация

Статья посвящена воплощениям античных видов любви в драматургии В. Шекспира, в особенности в связи с различными жанрами.

Ключевые слова: В. Шекспир, любовь, драматургия, жанр.

Keywords: W. Shakespeare, love, drama, genre.

Любовь и смерть, Эрос и Танатос – главные двигатели драматического сюжета. В этой статье мы рассматриваем различные виды любви в античной культуре, преломленные в творчестве В. Шекспира – человека, чье имя служит олицетворением Театра.

В Древней Греции любовь была основой бытия. Она пронизывала буквально все сферы природы, общества, даже сознания. Любовь понимается как сила всеобщего тяготения. Это мотивировано пантеистическим, или, вернее, гилозоистским, мировоззрением древних греков. Натертый шерстью янтарь притягивает малые вещи, потому что в нем действует эта сила. Любовь имела разнообразнейшие проявления и, соответственно, имена. «Древние греки различали несколько видов любви. Это прежде всего, конечно, Эрот, обожествленный эрос. Эрот, или эрос, – любовь-страсть, любовь, пограничная с безумием, безумная любовь. Древние греки так и говорили: “эротомания” – «безумная (безрассудная) любовь». Был глагол “эреоманео” – “быть безумным от любви”» [2, 44]. Любовь, доходящая до безумия, именовалась «мания».

Эрос – половая любовь. Слово «филия» имело самое широкое значение, но почти всегда это была любовь духовная, возвышенная. «Прилагательное “philos” значило “быть близким, дорогим, милым”» [3]. Это любовь к родителям (филопатор и филоматор), к братьям и сестрам (филадельфия), к людям (филантропия), к добродетели (филатерос), к прекрасному (филокалия) и мн. др. [2, 45–46].

Существовали также агапэ – жертвенная высокая любовь, сторгэ – любовь-привязанность, чаще всего семейная, прагма – рассудительная любовь по расчету, а также людус – любовь-игра [1, 689]. Людус – термин латинский, но у греков был аналог такой любви.

Шекспир – творческий наследник античного театра. В античном (греческом, римском или восточном) мире происходит действие многих его пьес. Это «Тит Андроник», «Юлий Цезарь», «Антоний и Клеопатра», «Кориолан», «Тимон Афинский», «Троил и Крессида», «Зимняя сказка», «Цимбелин», «Перикл», «Сон в летнюю ночь». Разнообразие видов античной любви естественно для них, однако оно проявляется и в пьесах со средневековыми сюжетами.

Если «Тит Андроник» в самом деле принадлежит Шекспиру, то в этой первой пьесе, претендующей на звание трагедии, крайне неудачной, неумелой, имеющей смысл эмбриона, из которого выросли «Гамлет» и «Король Лир», уже даются наброски разных вариантов любви. Лавинию и Бассиана, видимо, связывает сторгэ – нормальная гармоничная супружеская любовь. Эротическую любовь к Таморе питает Сатурнин; Тамора, выходя за него в корыстных целях, то есть становясь римской императрицей, руководствуется прагмой, но страсть, которой она пылает к злодею Арону, – это уже мания. Разумеется, всё это условно, примитивно, лишено психологической разработки. Это просто проба пера. Поскольку «Тит Андроник» притязает на трагический жанр, любовь здесь сплетается со смертью.

Вслед за этим Шекспир создает свой шедевр, любовную трагедию всех времен – «Ромео и Джульетту», пьесу о любви и смерти, любви до смерти. Любовь Ромео и Джульетты достойна называться агапэ – высшим чувством. Герои способны к самопожертвованию, любить для них буквально означает: жить. Достоин внимания то, что с точки зрения средневекового человека Ромео и Джульетта – грешники: сладострастники, проявившие непокорность родителям. Вина их усугубляется самоубийством. Иначе говоря, данная история должна соответствовать ренессансной трагедии, где герой расплачивается за определенную вину. Так будут строиться трагедии Шекспира, начиная с «Отелло» (в «Гамлете» герой как бы впадает в аффект безволия. Оно могло бы стать его трагической виной, однако Шекспир не выстраивает логики, согласно которой Гамлета губит именно безволие).

Но Шекспир интерпретирует средневековую историю Ромео и Джульетты как античную трагедию рока. Она осложняется филией – возвышенным увлечением Ромео кузиной Джульетты Розалиной. Эротическая связь с ней невозможна: Розалина дала обет

безбрачия. Ромео говорит о страсти к ней в выпретенном тоне, однако друзья чувствуют, что эта любовь выдумана, и откровенно смеются над ней. Увидев Джульетту, Ромео мгновенно забывает Розалину, однако оттенок его первого экзальтированного увлечения остается и на чувстве к ней.

Граф Парис, который чтит память как будто почившей Джульетты, в определенном отношении становится «зеркальным двойником» Ромео: реальная, земная любовь к Джульетте переходит в идеальную любовь к недостижимому – любовь, подобную той, которую Ромео испытывал к Розалине.

Подлинная трагедия сладострастия у Шекспира – «Антоний и Клеопатра». Здесь присутствует прагма – устроенный Октавианом по политическому расчету брак Антония с Октавией. Расчет оказывается неверным (воистину неверным, во всех смыслах слова), а последствия – роковыми: предательство Антонием Октавии делает вражду бывших союзников по-настоящему смертельной. Но главное содержание пьесы – мания: безумная самоистребительная страсть Антония и Клеопатры, разворачивающаяся на фоне гибели целых государств:

ЭНОБАРБ

В чем дело, Скар?

СКАР

Полмира, дураки!

Мы пропили империю! Проспали

Со шлюхой царства! Мир – за поцелуй!

(Перевод наш – А. Ф.).

В «Юлии Цезаре» любовь не главная тема, но жертвенность Порции – настоящий пример агапэ.

В трагедиях, так или иначе связанных с любовью, она принимает оттенок мании, то есть одержимости. Таковы ревность Отелло и подчинение Макбета моральной власти его демонической жены.

В фарсовых комедиях – в «Укрощении строптивой» и «Виндзорских насмешницах» – так или иначе реализуется прагма. Петруччо женится на Катарине скорее всего по расчету. Режиссеры трактуют эту историю как постепенное развитие любви. Фальстаф волочится за женами Пейджа и Форда вообще безо всякой любви, из корысти,

низведенной до полного примитива. В свою очередь, веселых виндзорских жен с мужьями связывает обычное сторгэ, нормальные семейные отношения. Форд, переболев скорее забавной, чем страшной и разрушительной ревностью, вместе с женой и всем Виндзором участвует в розыгрыше Фальстафа. Кроме того, супруги Пейджи, наоборот, вступают в незримый конфликт, затеяв выдать дочь Анну каждый за своего претендента. Это прагма, поскольку супруги преследуют определенные цели, связанные с выгодой. Но прагма опровергается настоящей любовью – сторгэ – Анны и Фентона, срывающих корыстные планы родителей.

Отметим, что здесь свою роль играет подмена, связанная с переодеванием. Переодевание – символический обмен телами, квипрокво. Переодевание, иногда с символической сменой пола, – важный момент многих пьес Шекспира, в которых девушки как бы превращаются в юношей. Таковы «Два веронца», «Как вам это понравится», «Венецианский купец», «Двенадцатая ночь», «Цимбелин» (у Шекспира есть и обратный пример гротескового превращения старика в старуху, связанный с переодеванием Фальстафа, спасающегося от ревности Форда). *Внешнее изменение* героинь в той или иной форме *соприкасается с темой измены* любовной или супружеской. Имоджену подозревает в измене Постум в «Цимбелине»; героини «Венецианского купца» изумляют мужей сообщением, что они спали с молодыми юристами, в которых переоделись; в «Двух веронцах» переодетая Джулия поступает на службу к изменившему ей жениху Протею и служит посредницей между ним и его новым увлечением; Орlando в виде игры ухаживает за «Ганимедом», то есть за своей возлюбленной Розалиндой в мужском костюме, не узнавая ее («Как вам это понравится»). Запомним этот важный момент.

Другой вариант «обмена телами» – двойничество, то есть сюжеты, связанные с близнецами. В «Комедии ошибок» Адриана, без оснований обвиняющая своего мужа Антифола Эфесского, сама чуть не изменяет ему с Антифолом Сиракузским, впрочем, влюбленным в ее сестру. В «Двенадцатой ночи» соединяются оба мотива – и двойничество, и переодевание с игровой сменой пола. Виола переодевается в юношу по имени Цезарио, и в нее (или в него?) влюбляется Оливия, которая затем по ошибке обручается с Себастьяном, братом Виолы. В этой комедии Шекспир воплощает

интересный парадокс. С одной стороны, переодевание не означает перемены личности. Виола остается сама собой в облике Цезария: она сохраняет женственное обаяние, остроумие и другие милые качества, но не становится смелым юношей (в отличие от Шурочки Азаровой, которая, впрочем, одинаково отважна в обеих своих ипостасях). С другой стороны, предмет любви, которая выглядела неистовой, всепоглощающей страстью, с поразительной легкостью заменяется. Оливия только что сходила с ума по Цезарию, но выходит замуж за Себастьяна во исправление ошибки.

СЕБАСТЬЯН (*Оливии*)

Вы промахнулись, в девственность влюбившись,

Но вам природа мудро помогла

Достигнуть цели, хоть своеобразно,

Поскольку целомудрен ваш супруг

(Перевод наш – А. Ф.)

Орсино пылал идеальной страстью к Оливии, но, потеряв ее, принялся творить идеал из Виолы.

В этой пьесе есть еще одна подмена: «раблезианская» банда сэра Тоби разыгрывает Мальволио, внушая ему, будто его любит Оливия. Оливию подменяет камеристка Мария. Розыгрыш выглядит как прагма – корыстная и тщеславная страсть Мальволио, – однако де-факто это людус, то есть игра в любовь.

На людусе мы остановимся отдельно, а сейчас завершим тему подмены. К этому приему прибегают героини «мрачных» комедий – Мариана («Мера за меру») и Елена Руссильонская («То хорошо, что хорошо кончается»). Прибегая к хитрости, они узаконивают свой брак с мужчинами, которые их не переносят. Это крайне сомнительный способ пробудить ответную любовь.

Подлинная любовь – это верность. Олицетворение верности – «Ромео и Джульетта», но у этой пьесы есть «тень» – «Троил и Крессида», история о человеческой слабости и об измене. Есть, наконец, и гротескное, анекдотическое перевоплощение «Ромео и Джульетты» – трагикомедия о Пираме и Фисбе в структуре «Сна в летнюю ночь». Это история верности, но эта верность оборачивается грубой и смехотворной пародией.

В так называемых «романтических комедиях» царствует людус – любовная игра, где ставится под сомнение еще и другое высокое чувство – дружба. В «Двух веронцах» Протей изумляет тем, что, потеряв разум от внезапной маниакальной страсти к Сильвии, предает и невесту Джулию, и друга Валентина. Впрочем, он внезапно как по волшебству прозревает, раскаивается и получает прощение от обоих. Они относятся к Протею так, будто он стал жертвой наваждения.

В чистом виде наваждение проявляется в «Сне в летнюю ночь», где Лизандр и Деметрий сначала спорят из-за Эрмии, потом из-за Елены – под действием сока волшебного цветка. И это еще не все! Под действием того же сока прекрасная царица фей Титания маниакально влюбляется в оборотня – человека с ослиной головой, еще хорошо, что ненадолго.

И, наконец, последние пьесы Шекспира – мелодрамы, которые близки к сказкам, а иногда и являются ими («Зимняя сказка», «Буря»). Это как бы синтез его предшествующей драматургии: и ее жанров, и сюжетных ходов, и мотивов. Здесь есть элементы трагедии («Цимбелин» и «Зимняя сказка» – ослабленные вариации «Отелло») и волшебной сказки с колдовством и миром фей и эльфов («Буря»). Однако здесь нет разнообразия видов любви. Любовь здесь одна – агапэ. Она связывает Иможену и Постума, Флоризеля и Укратку, Фердинанда и Миранду.

Итак, во-первых, разнообразие видов античной любви у Шекспира воплощено полностью и зависит прежде всего от жанров. Например, в фарсах преобладает прагма, в романтических комедиях – людус, во «мрачных комедиях» – сторгэ в сочетании с прагмой (женщины безответно любят мужчин и добиваются их через любовную подмену), в трагедиях – агапэ или мания.

Во-вторых, любовь в этих пьесах часто переплетается со смертью, но чаще – с изменой. В мотиве измены проявляется противоречивость ренессансной личности в эпоху кризиса. Чувство проявляется на прочность, а человек – на самоидентичность. (Кризис самоидентичности символически выражается в квипрокво через переодевание и/или двойничество.) Следует сказать, что в итоге происходит восстановление нормы. Протей кается в предательстве невесты и друга, переодетые мужчинами женщины возвращают себе прежний облик, замороженные герои расколдовываются и т. п.

Пожалуй, самое экстравагантное воплощение соседства любви с изменой мы видим в «Бесплодных усилиях любви», где наваррцы совершают мнимые измены, прося руки у переодетых француженок в масках. Но эти мнимые измены оказываются на грани настоящих, потому что наваррцы не узнают своих возлюбленных. И они же парадоксальным образом изменяют данному ими обету аскезы, сохраняя верность более важным ценностям – любви и полноте жизни. Шекспир наиболее интересен в состоянии неустойчивости, перехода из одного состояния в другое. Знаменательно, что герои пьесы и добиваются, и не добиваются своей цели, что отражено в заглавии: они получают согласие своих дам и годовую отсрочку свадьбы.

И, в-третьих, финальные шекспировские пьесы уже не знают разнообразия видов любви. Она приобретает наиболее естественный и возвышенный вид – агапэ.

Список литературы

1. Нургишиева, А. З. Проблема эроса в понимании античных философов и Зигмунда Фрейда / А. З. Нургишиева, Н. А. Бутенко // Теория и практика современной науки. – 2016. – № 5 (11). – С. 687–691.
2. Чанышев, А. Н. Любовь в античной Греции // Философия любви ; под общ. ред. Д. П. Горского / А. Н. Чанышев. – М. : Издательство политической литературы. – 1990. – С. 36–67.
3. Шестаков, В. П. Философия любви в древней Греции и Риме [Электронный ресурс] / В. П. Шестаков // Вестник культурологии. – 2016. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-p-shestakov-filosofiya-lyubvi-v-drevney-gretsii-i-rime/viewer>.

Целовальникова Д. Е.

студентка, кафедра русского языка и литературы,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ, Россия
Научный руководитель: д-р филол. наук Е. Р. Иванова,

ОБРАЗ ПУТЕШЕСТВЕННИКА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОМАНОВ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР» И Д. МЕЙСОНА «НАСТРОЙЩИК»

Аннотация

В статье исследуется феномен литературного странствия как универсальной модели человеческого опыта. Рассматривается эволюция жанра путешествий от древнерусских хождений до современных форм. Анализируются художественные средства создания образа путешественника на материале романов Е. Водолазкина «Лавр» и Д. Мейсона «Настройщик». Особое внимание уделяется хромотопу дороги как струк-

турообразующему элементу, соединяющему пространственно-временные координаты и сюжетное движение. Выявляются два типа путешественника: духовный странник и «невольный путешественник», представляющие различные модели литературного странствия.

Ключевые слова: образ путешественника, хронотоп дороги, литературное странствие, духовное преображение, архетип странника.

Keywords: traveler's image, chronotope of the road, literary wandering, spiritual transformation, archetype of the wanderer.

Путь как фундаментальная категория литературного пространства выступает метафорой жизненной траектории личности. Хронотоп дороги, по М. М. Бахтину, является структурообразующим элементом, соединяющим пространственно-временные координаты и сюжетное движение [1, 45]. Методологическая база для анализа образа путешественника включает комплекс взаимодополняющих подходов: от мифокритики и хронотопного анализа до геопоэтики, перспективы мобильности и нарративно-ритмического анализа.

Образ путешественника в литературе реализуется на нескольких уровнях: физическом, духовном и метафизическом. Данная многомерность отчётливо проявляется при сравнительном анализе романов Е. Водолазкина «Лавр» и Д. Мейсона «Настройщик», представляющих два принципиально различных типа странника. Историко-литературный анализ показал эволюцию архетипа странника от древнерусских хождений к современным формам, где путешествие становится метафорой экзистенциального поиска и духовного самоопределения личности [3, 208].

Роман «Лавр» Е. Водолазкина представляет тип духовного странника, чей путь связан с традициями житийной литературы и представляет движение к обретению целостности [2, 118]. В романе реализована модель циклического странствия, основанная на традициях древнерусской житийной литературы и создающая образ путешественника как искателя духовной целостности. Динамическая эволюция героя через смену имён (Арсений – Устин – Амвросий – Лавр) отражает поэтапное движение от хаотического блуждания к высшей форме духовного странствия [2, 256].

Образ путешественника строится на синтезе средневековой традиции странничества и современного художественного осмысления пути как метафизической категории.

Автор использует комплекс языковых средств: сочетание церковнославянизмов с современной лексикой, ритмизованную прозу, имитирующую движение, и фольклорные речевые формулы [5, 272].

Анализ лексико-семантического поля пути в романе «Лавр» выявил более 300 употреблений ключевых лексем, которые эволюционируют от прямых значений к символическим в зависимости от этапа духовного развития героя. Кольцевая композиционная структура романа отражает идею возвращения к истокам, характерную для агиографической традиции, и создаёт художественный образ, воплощающий универсальную модель человеческого существования как пути к духовному совершенству.

В романе Д. Мейсона «Настройщик» представлен принципиально иной тип – «невольный путешественник», оказывающийся между западной рациональностью и восточной мистикой. Эдгар Дрейк – человек оседлого склада, для которого странствие становится испытанием [6, 25]. В романе «Настройщик» герой по фамилии Дрейк переезжает из спокойного и правильного Лондона в Бирму. А там – полный хаос. Это не просто смена места. Автор показывает, как человек уходит от рационального мира туда, где правят чувства и безумие [6, 245].

Всё путешествие похоже на обряд инициации. Дрейку приходится пройти через многое. Это и долгая дорога, и колониальная война со всей её жестокостью. Потом он встречается странного Кэрролла. Потом влюбляется в бирманскую женщину. И в конце концов должен сделать выбор: выполнить долг или послушать совесть. В тексте очень много слов, связанных с дорогой – больше пятисот раз. Сначала герой просто «пассажир». Потом становится «путником». А под конец – почти «паломником». Это хорошо показывает, как меняется его сознание. Но беда в том, что эти изменения его разрушают. Он теряет себя, но не находит новой опоры [7, 18].

В романе три части. И они устроены так же, как движение от порядка к хаосу. Сначала всё чётко и понятно. Потом повествование начинает рассыпаться на куски. А в последней части уже непонятно, где реальность, а где галлюцинации. Финал остаётся открытым. Герой так и не возвращается домой, он всё ещё в пути.

Пространство и время в книге закручены как круги от центра к краям. Чем дальше Дрейк едет на Восток, тем больше он откатывается назад во времени. Это создаёт ощущение, что он погружается в совсем другой мир. Главный образ тут – река Салуин. Она как граница между двумя реальностями. А ещё автор часто переключает время: то настоящее, то прошлое, то вдруг видения. Из-за этого сам герой всё время чувствует себя раздвоенным [4, 205].

Самые важные символы в романе – это рояль «Эрар», джунгли, музыка, туман и та же река Салуин. Благодаря этим образам путешествие Дрейка становится почти мифом [4, 210]. Есть тут несколько сквозных мотивов. Музыка – это попытка найти гармонию между разными мирами. Письма, которые пишет герой, – это способ зафиксировать, как рвётся его связь с прошлой жизнью. А настройка рояля – это на самом деле про его внутреннее состояние.

В итоге мы имеем современную трагическую версию старой истории про «путешествие героя». Обычно такие инициации заканчиваются возвращением. А здесь – нет. Путь остаётся открытым, как и сама жизнь [3, 306]. Дрейк – европеец на краю колониального мира. Он ищет гармонию, но это делает его чужим для всех. И конец у него трагический.

И в этой книге, и в другом произведении (с которым её сравнивают) очень важна дорога. Как писал Бахтин, хронотоп дороги соединяет время, пространство и сюжет в одно целое [1, 112].

При этом образ путешественника формируется не только персонажной функцией, но и самой структурой текста, что свидетельствует о качественно новом подходе к осмыслению странствия в современной литературе.

Оба романа, несмотря на различие в хронотопах и культурном контексте, демонстрируют трансформативную силу путешествия как средства самопознания и духовного преображения личности, что подтверждает теоретические положения о природе литературного странствия [4, 215; 3, 306].

Таким образом, сравнительный анализ позволяет выявить два полярных типа литературного путешественника. Герой «Лавра» воплощает модель духовного странничества с обретением целостности и завершённостью пути. Образ путешественника в романе «Настройщик» воплощает противоречие между западной рациональностью и восточной

мистикой; роль посредника между мирами оказывается разрушительной, приводя к полной утрате первоначальной идентичности без обретения новой целостности [7, 24].

В условиях глобализации и культурных трансформаций современная литература активно переосмысливает классические архетипы, наполняя традиционные формы новыми смыслами. Образ путешественника становится универсальным художественным кодом, отражающим проблемы идентичности, межкультурного диалога и духовного самоопределения личности в изменяющемся мире.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Худож. литература, 1975. – С. 24–213.
2. Водолазкин, Е. А. Лавр : роман / Е. А. Водолазкин. – М. : АСТ, 2012. – 418 с.
3. Вальянов, Н. А. Мотив хождения по мукам в русской традиционалистской прозе : художественный опыт М. А. Тарковского / Н. А. Вальянов. – М. : Худож. литература, 2023. – 306 с.
4. Громова, А. В. Архетип путешественника в мировой литературе / А. В. Громова. – М. : Интрада, 2012. – С. 201–218.
5. Махнина, Н. Г. Образ странника в русской литературе / Н. Г. Махнина, М. М. Махнина // Филология и культура. – 2016. – № 4 (44). – С. 272.
6. Мейсон, Д. Настройщик: роман / Д. Мейсон. – М. : Фантом Пресс, 2025. – 478 с.
7. Ушаков, О. В. Трансформация образа путешественника в XX–XXI вв. / О. В. Ушаков. – Екатеринбург : УрФУ, 2020. – С. 13–27.
8. Гримова, О. А. Организация нарративной интриги в современном романе: основные тенденции [Электронный ресурс] / О. А. Гримова. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/narrativnaya-intriga-v-sovremennom-otechestvennom-romane> свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 29.10.2025).

Цзян Тань

студентка, филологический факультет,
Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, КНР
Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент Л.Б. Алимova

ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ И РОССИИ В XIX ВЕКЕ

Аннотация

Статья посвящена истории Китая периода его экономического закабаления европейскими странами и превращения в полуколонию в результате проигранных опиумных войн. Рассматриваются сложные и противоречивые отношения Китая и России в контексте мировой политики того времени и борьбы за сферы влияния между ведущими государствами.

Ключевые слова: внешняя политика, колонизация, опиумные войны.

Keywords: foreign policy, colonization, opium wars.

XIX век для Китая – это начало новой истории, но и истории унижения. Сильные того времени страны захватывали у Китая огромное количество земель и денег, сделали его полуколонией и полуфеодальным обществом. Отношения между Россией и Китаем в XIX веке представляли собой сложную геополитическую систему, характеризующуюся периодами сближения, конфликтов и стратегического партнёрства. Взаимоотношения формировались под влиянием территориальных споров, экономических интересов и глобальных политических трансформаций.

В середине XIX века империя Цин столкнулась с беспрецедентными внутренними и внешними вызовами: в 1840–1842 гг. произошла первая опиумная война, Китай потерпел поражение и подписал Нанкинский договор. В 1851–1864 гг. случилось восстание тайпинов, охватившее половину страны. В 1856–1860 гг. произошла вторая опиумная война, англо-французские войска захватили Пекин и сожгли Старый летний дворец. В условиях внешней угрозы и внутренних волнений цинское правительство не могло эффективно противостоять давлению на северных рубежах.

Ещё со времён Петра I в России утвердилась стратегическая установка «овладеть устьями Невы, Дона и Амура». В середине XIX века генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв активно продвигал дальневосточную экспансию. С 1847 г. генерал-губернатор начал систематическое освоение бассейна Амура. В 1849–1855 гг. прошли неоднократные вооружённые экспедиции по Амуру, были созданы казачьи станицы и военные посты. Все было сделано для того, чтобы открыть выход к устью Амура и получить незамерзающий порт на Тихом океане [2].

В первой опиумной войне (1840–1842) Англия контрабандой ввозила опиум, чтобы исправить торговый дисбаланс. В 1840 г. Линь Цзэсюй уничтожил опиум в Хумэне, Англия начала войну, в которой империя Цин потерпела поражение и был подписан Нанкинский договор – первый неравноправный договор в истории Китая. Договор содержал уступку Гонконга, открытие пяти портов (Гуанчжоу, Сямэнь, Фучжоу, Нинбо, Шанхай) для эксплуатации англичанами в режиме максимального благоприятствования, включая конвенционную пошлину и экстерриториальность [2].

Во второй опиумной войне (1856–1860) англо-французские войска взяли Гуанчжоу, двинулись на Дагу, в 1860 г. заняли Пекин и сожгли Старый летний дворец. Цин подписала

Тяньцзиньский договор (1858) и Пекинский договор (1860), разрешили открытие новых портов, право иностранных послов постоянно находиться в Пекине, уступку южной части Коулуна, огромную контрибуцию.

Русско-китайские отношения также находились под влиянием последствий опиумных войн, которые показали слабость правящей династии Цин. Россия воспользовалась ситуацией в своих геополитических интересах на Дальнем Востоке. Пока Китай был отвлечён англо-французскими силами, Россия оказывала давление на севере Китая, получая максимальные выгоды с минимальными затратами.

После первой опиумной войны Россия воспользовалась ослаблением Китая и дипломатическим путем добилась подписания неравноправного договора – Кульджинского трактата 6 августа 1851 г., по которому были открыты Или и Чугучак для торговли, Россия в данном договоре получила консульства, экстерриториальность, беспошлинную торговлю, фактории [2].

В мае 1858 г., когда англо-французские войска захватили Дагу и возникла угроза Тяньцзиню, Н. Н. Муравьев с войсками прибыл в Айгунь и под угрозой оружия вынудил цинского генерала Ишаня подписать Айгунский договор. Этот договор позволил России получить 600 тыс. кв. км территории, находившейся к северу от Амура и к югу от Станового хребта, территория к востоку от Уссури оставалась «совместно управляемой». Плавание по Амуру и Уссури разрешалось только для китайских и российских судов. Цинское правительство не ратифицировало договор, но через шесть лет он вступил в силу благодаря Пекинскому договору.

В октябре 1860 г. англо-французские войска захватили Пекин и сожгли Старый летний дворец. Россия, выступив с претензией на «посредничество», вынудила цинское правительство подписать Пекинский договор как подтверждение условий Айгунского договора, в результате чего 600 тыс. кв. км к северу от Амура отходили к России, 400 тыс. кв. км к востоку от Уссури (включая Владивосток) отходили к России, определялись принципы разграничения на западной границе. Таким образом, Китай окончательно потерял выход к Японскому морю. Владивосток получил свое название, значение которого – «владеть Востоком».

Россия в XIX веке, с одной стороны, усиливала свое политическое влияние на Китай, с другой стороны, открывала для себя уникальную культуру и искусство китайской

цивилизации [3]. В России распространялись китайские художественные произведения, которые влияли на декоративно-прикладное искусство, художественное ремесло, такое как производство гобеленов-шпалер [1], шелка, фарфора. В Китае, несмотря на сложные внешнеполитические отношения с Российской империей, росла популярность русской литературы, произведений Пушкина, Достоевского, Толстого.

В 1862–1864 гг., воспользовавшись восстанием в Синьцзяне, Россия продолжила экспансию в Центральной Азии. В октябре 1864 г. цинское правительство подписало «Протокол о разграничении северо-западной границы»: к России отошло около 440 тыс. кв. км территории к востоку и югу от озера Балхаш. Эти территории ныне входят в состав восточного Казахстана и северного Кыргызстана. Таким образом, в результате серии договоров середины XIX века Россия приобрела у Китая в общей сложности около 1,5 млн кв. км территории [2].

В 1871 г. Россия под предлогом «помощи в восстановлении порядка» заняла Илийский край. После того как Цзо Цзунтан вернул Синьцзян под контроль цинского правительства, Китай направил в Россию Цзэн Цзэцзюня для переговоров. В 1881 г. был подписан Петербургский договор: Китай вернул девять городов Илийского края, но уступил территории к западу от реки Хоргос и выплатил контрибуцию в размере 9 млн рублей. Россия также получила торговые привилегии в Синьцзяне. Это был частичный дипломатический успех цинского правительства, достигнутый при опоре на военную силу, но он обошёлся территориальными и финансовыми уступками.

После поражения Китая в войне с Японией 1894–1895 годов Россия выступила инициатором «тройственной интервенции», за что цинское правительство выразило благодарность, поскольку это укрепило позиции пошатнувшейся династии. Вслед за этим Россия ускорила расширение своих интересов в Китае. В 1896 г. был подписан «Русско-китайский секретный договор» с целью совместной обороны против Японии, по которому Россия получила право на строительство Китайско-Восточной железной дороги (1897–1903), что позволило включить Северную Маньчжурию в сферу российского экономического влияния. В 1898 г. русское правительство заключило соглашение об аренде Люй-

шунь (Порт-Артура) и Далянь (Дальнего) сроком на 25 лет, Порт-Артур стал базой Тихоокеанского флота России, таким образом произошло окончательное разделение Китая на сферы влияния.

Русско-китайские отношения XIX века – непростая страница истории. Сегодня в Китае мы вспоминаем об этом не для того, чтобы обвинять, а чтобы извлечь уроки и сделать будущее лучше. История напоминает нам, как ценны мир и уважение. Сегодняшние отношения России и Китая преодолели прошлое и движутся к взаимной выгоде. Пусть история станет мостом, соединяющим наши великие страны!

Список литературы

1. Алимova, Л. Б. Шпалерные мануфактуры в России в XVIII – второй трети XIX в. / Л. Б. Алимova. – Изд-во Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Оренбургский государственный университет», 2017. – С. 14-40.
2. Краткий очерк истории Китая. С древнейших времен и до Синьхайской революции : коллективная монография / Бо Сяньцзунь, Ван Чжэньчжун, Гун Чжанвэй [и др.] ; перевод с китайского Лю Чэнянь. – М.: Весь мир, 2026. – 550 с.
3. Шагбанова, Х. С. Образ Китая в русской литературе XIX - начала XX вв. Учебное пособие / Х. С. Шагбанова. – М.: Экон-Информ, 2025. – 179 с.

Научное издание

Человек в зеркале языка и культуры

Материалы Международной онлайн-конференции

(24 мая 2026 года)

Ответственный редактор
Орлова С. Л.

Редактор
Рудакова Ю. С.

Подписано в печать 30.05.2026 г.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 6,6.
Тираж 21 экз. Заказ 10/1819.

**Издательство Орского гуманитарно-технологического института (филиала)
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Оренбургский государственный университет
имени В. А. Бондаренко»**

462403, г. Орск Оренбургской обл., пр. Мира, 15А